

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ: ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА

Материалы XIV Международной
научно-практической конференции
(г. Уфа, 1 апреля 2026 г.)

Министерство науки и высшего образования РФ
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«Уфимский университет науки и технологий»

**АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ
УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА
В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ: ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА**

**Материалы
XIV Международной научно-практической конференции
(г. Уфа, 1 апреля 2026 г.)**

Научное электронное издание сетевого доступа

Уфа
Уфимский университет
2026

УДК 343.1
ББК 67.411
А43

*Публикуется по решению кафедры криминалистики
Института права УУНУТ.
Протокол № 20 от 04.07.2026 г.*

Редакционная коллегия:

д-р юрид. наук, профессор **И. А. Макаренко** (*отв. редактор*);
д-р юрид. наук, профессор **Ф. Г. Аминев**;
д-р юрид. наук, доцент **А. Ф. Халиуллина**

Актуальные проблемы уголовного судопроизводства в современной
А43 **России: теория и практика:** материалы XIV Международной научно-
практической конференции (г. Уфа, 1 апреля 2026 г.) / отв. ред.
И. А. Макаренко [Электронный ресурс] / Уфимск. ун-т науки и технологий.
– Уфа: Уфимский университет, 2026. – 89 с. – URL:
<https://uust.ru/media/documents/digital-publications/2026/206.pdf> – Загл. с титула
экрана.
ISBN 978-5-7477-6468-2

Сборник научных статей, представленных в авторской версии, адресован аспирантам, магистрантам и студентам высших учебных заведений, учащимся средних профессиональных и общеобразовательных учреждений, а также всем тем, кто интересуется проблемами современной российской юриспруденции.

УДК 343.1
ББК 67.411

ISBN 978-5-7477-6468-2

© Уфимский университет, 2026

СОДЕРЖАНИЕ

Макаренко И.А. Роль следователя в реализации назначения уголовного судопроизводства.....	5
Халиков А.Н. Криминалистические аспекты информационного обеспечения расследования уголовного дела	10
Халиуллина А.Ф. Предпосылки формирования криминалистического учения об использовании специальных знаний при расследовании преступлений с участием несовершеннолетних.....	13
Абдрахманова Л.Н. Актуальные проблемы процессуального статуса специалиста в уголовном судопроизводстве Российской Федерации.....	20
Бекетова Ю.А. Проблемы оценки достоверности заключения Судебно-токсикологической экспертизы по делам о преступлениях, связанных с применением токсичных веществ.....	25
Варфоломеев Р.А. Следственные ситуации, требующие производства проверки показаний на месте с участием несовершеннолетнего	31
Вяткин А.Н. Криминалистическая профилактика лесных пожаров	34
Гайфуллина А.Р. Обеспечение достоверности показаний на допросе: тактико-психологический аспект	38
Зиннуров А.З. Значение криминалистической характеристики для расследования преступлений.....	47
Карапетян К.С. Обстоятельства, подлежащие установлению. Типовые следственные ситуации и версии	51
Мустаев Т.И. Сложности проведения судебно-психиатрических и судебно-медицинских экспертиз в отношении иностранных граждан без участия переводчика	55
Полещук М.С. Некоторые особенности фиксации хода и результатов предъявления для опознания с участием несовершеннолетнего.....	63
Халиуллин Т.М., Халиуллина И.Э. Лингвистическая экспертиза в делах об экстремизме и терроризме: современные подходы и правовое регулирование в России.....	66

Харисов А.Ф. Генезис междисциплинарных научно-практических исследований в судебно-экспертной деятельности	75
Чингизова Г.Ф. Процессуальная устойчивость обращения со следами биологического происхождения.....	80
Яшуева Т.М. К вопросу о психологической сущности очной ставки с участием несовершеннолетнего	85

Макаренко Илона Анатольевна

заведующая кафедрой криминалистики

Института права Уфимского университета науки и технологий,

доктор юридических наук, профессор,

г. Уфа, Россия

РОЛЬ СЛЕДОВАТЕЛЯ В РЕАЛИЗАЦИИ НАЗНАЧЕНИЯ УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА

Аннотация. В статье рассматривается роль следователя в реализации назначения уголовного судопроизводства через призму положений ст. 6 УПК РФ. Обосновывается, что следователь не может рассматриваться исключительно как субъект уголовного преследования, поскольку его деятельность одновременно направлена на защиту прав потерпевших, обеспечение законности обвинения, предупреждение необоснованного ограничения прав личности и формирование доказательственной основы будущего судебного разбирательства.

Ключевые слова: следователь, назначение уголовного процесса, предварительное расследование.

Назначение уголовного судопроизводства традиционно относится к числу базовых категорий уголовно-процессуальной науки. Однако его практическое значение нередко недооценивается. В правоприменительной деятельности назначение уголовного судопроизводства иногда воспринимается как общая декларация, стоящая над конкретными процессуальными решениями, но не определяющая их содержания напрямую. Такой подход представляется ошибочным. Именно назначение уголовного судопроизводства задает смысл всей уголовно-процессуальной деятельности, включая деятельность следователя на стадии предварительного расследования. В соответствии со ст. 6 УПК РФ уголовное судопроизводство имеет своим назначением защиту прав и законных интересов лиц и организаций, потерпевших от преступлений, а также защиту личности от незаконного и необоснованного обвинения, осуждения, ограничения ее прав и свобод [1]. В той же статье закреплено, что уголовное преследование и назначение виновным справедливого наказания в той же мере отвечают назначению уголовного судопроизводства, что и отказ от уголовного преследования невиновных, освобождение их от наказания и реабилитация каждого, кто необоснованно подвергся уголовному преследованию. Уже из самой конструкции данной нормы видно, что российский уголовный процесс не сводится к борьбе с преступностью в узком, обвинительном понимании. Его назначение двойственно, но не противоречиво. С одной стороны, государство обязано реагировать на преступление, защищать потерпевшего, восстанавливать нарушенный правопорядок и обеспечивать привлечение виновного к ответственности.

С другой стороны, государство обязано столь же строго защищать человека от незаконного обвинения, чрезмерного принуждения, процессуального произвола и необоснованного вмешательства в сферу его прав.

Следователь находится именно в центре этого напряжения. Процессуальный статус следователя закреплен в ст. 38 УПК РФ. Следователь является должностным лицом, уполномоченным осуществлять предварительное следствие по уголовному делу; он вправе возбуждать уголовное дело, принимать его к своему производству, самостоятельно направлять ход расследования, принимать решения о производстве следственных и иных процессуальных действий, за исключением случаев, когда требуется судебное решение или согласие руководителя следственного органа. Эти полномочия показывают, что следователь является не техническим исполнителем, а самостоятельным субъектом уголовно-процессуальной деятельности, от решений которого во многом зависит фактическая реализация назначения уголовного судопроизводства. При этом следователь относится к участникам уголовного судопроизводства со стороны обвинения. Данное положение иногда приводит к упрощенному выводу: если следователь находится на стороне обвинения, значит, его главная задача состоит в изобличении лица и подготовке обвинительной позиции. В таком понимании есть доля правды, но оно неполно.

Статья 21 УПК РФ действительно возлагает на следователя обязанность осуществления уголовного преследования от имени государства по делам публичного и частно-публичного обвинения. Более того, при обнаружении признаков преступления следователь обязан принять предусмотренные законом меры к установлению события преступления и изобличению виновного лица. Однако данная обязанность не отменяет общего назначения уголовного судопроизводства, а должна исполняться внутри его границ. Иначе говоря, следователь не вправе подменять уголовное преследование обвинительным уклоном. Уголовное преследование в правовом государстве не означает стремления любой ценой подтвердить первоначальную версию о виновности лица. Оно предполагает законное, объективное, проверяемое и процессуально оформленное установление обстоятельств, имеющих значение для дела. Следователь обязан выявлять не только обстоятельства, уличающие лицо, но и обстоятельства, оправдывающие его либо смягчающие ответственность. В противном случае деятельность следователя перестает служить назначению уголовного судопроизводства и превращается в административно-силовой механизм подтверждения заранее выбранной позиции. Однако при изучении материалов уголовных дел, мы чаще всего сталкиваемся именно с тем, что следователи обстоятельства, оправдывающие либо смягчающие ответственность, выясняют по остаточному принципу. Примером может служить хотя бы тот факт, что наиболее распространенные сведения о несовершеннолетнем обвиняемом – акт обследования жилищно-бытовых условий, характеристики с места учебы и жительства – подшиваются в конце материалов уголовного дела и носят исключительно формальный характер. Причем формальность отношения к этим документам прослеживается не только у следователя, но и, например, у инспекторов ОДН, один из которых,

обследуя жилищно-бытовые условия обвиняемой девочки, в акте характеризуя родителей, указал, что они «воспитанием сына занимаются в полном объеме». Какого сына? Как этот объем вычисляется? Осталось загадкой.

Следователь обязан реализовывать назначение уголовного судопроизводства в том числе и через защиту личности от незаконного и необоснованного обвинения. Это направление не менее важно. В уголовном процессе подозреваемый или обвиняемый оказывается в положении значительной зависимости от государственных органов. Уже сам факт уголовного преследования может разрушать репутацию, семейные связи, трудовые отношения, психологическое состояние человека. Поэтому каждый шаг следователя, связанный с привлечением лица в качестве обвиняемого, задержанием, избранием меры пресечения, производством обыска, выемки, наложением ареста на имущество, должен быть не только формально законным, но и фактически обоснованным. Здесь проявляется профессиональная зрелость следователя. Начинаящий или ведомственно зависимый подход часто строится по схеме: есть подозрение, значит, нужно усилить давление и добиться признания. Опытный следователь понимает другое: признание, полученное без надежной доказательственной базы, является слабой и опасной основой расследования. Оно может быть ложным, вынужденным, ситуативным, данным из страха, усталости или желания прекратить психологически тяжелую ситуацию.

Назначение уголовного судопроизводства требует не признания как такового, а достоверного установления обстоятельств дела законными средствами. Особое значение имеет роль следователя в обеспечении разумного срока уголовного судопроизводства. Статья 6.1 УПК РФ устанавливает, что уголовное судопроизводство осуществляется в разумный срок, а уголовное преследование, назначение наказания и прекращение уголовного преследования также должны осуществляться в разумный срок. Однако и этот принцип разумности срока часто не выполняется. Как можно признать разумным постановление о возбуждении ходатайства о продлении срока дознания до 60 суток, а потом еще на один месяц в ситуации, когда несовершеннолетний похитил из магазина товарно-материальные ценности на 3000 рублей и был задержан сотрудниками охраны магазина на выходе из него? Все товары были изъяты на месте, вину несовершеннолетний признал, представитель потерпевшей стороны написал заявление о том, что претензий не имеет и попросил прекратить уголовное преследование за примирением сторон. НО! Следователь отказал в удовлетворении ходатайства о прекращении уголовного преследования и довел дело до суда. Изучив более 200 листов, из которых состояло уголовное дело, суд вынес постановление о прекращении уголовного дела за примирением сторон! Комментарии излишни.

Затянутое расследование может одинаково нарушать права и потерпевшего, и обвиняемого. Потерпевший годами не получает правовой определенности и возмещения вреда. Обвиняемый годами находится под тяжестью подозрения, ограничений и неопределенности. Поэтому процессуальная экономия, планирование расследования, своевременное назначение экспертиз, оператив-

ная проверка версий и недопущение волокиты являются не вопросами удобства следователя, а элементами реализации назначения уголовного судопроизводства. При этом разумный срок не должен пониматься как поспешность. Быстрое, но поверхностное расследование столь же опасно, как и необоснованно затянутое. Следователь обязан находить баланс между оперативностью и полнотой. Данный баланс особенно сложен на первоначальном этапе расследования, когда необходимо быстро закрепить следы преступления, установить очевидцев, изъять документы, обеспечить сохранность цифровой информации, принять меры к розыску лица или имущества. Ошибка, допущенная в первые дни, может оказаться невосполнимой. Но и чрезмерная поспешность способна привести к преждевременному обвинению, неверной квалификации или нарушению прав участников процесса.

Отдельного внимания заслуживает нравственно-правовой аспект роли следователя. Уголовное судопроизводство всегда связано с человеческой драмой. За каждым делом стоит потерпевший, обвиняемый, семья, свидетели, иногда дети, пожилые люди, лица с зависимостями, психическими особенностями, социально уязвимые граждане. Следователь постоянно действует в зоне конфликта, боли, страха, агрессии и недоверия. Поэтому его роль не может быть сведена к механическому применению норм УПК. Конечно, следователь не является социальным работником, психологом или судьей. Но он является представителем государства, и от его профессиональной культуры зависит, будет ли уголовный процесс восприниматься как законный и справедливый. Здесь важно не впадать в идеализацию. Следователь работает в условиях нагрузки, сроков, ведомственного контроля, большого количества материалов, необходимости взаимодействия с оперативными подразделениями, экспертами, прокурором, судом, адвокатами.

Особую роль следователь играет и в обеспечении прав участников процесса. Разъяснение прав не должно быть пустой формальностью, выраженной в подписи под стандартным бланком. Участник должен реально понимать свое процессуальное положение, особенно если речь идет о несовершеннолетнем, потерпевшем от насильственного преступления, лице с низким уровнем правовой грамотности, иностранном гражданине, человеке в тяжелом эмоциональном состоянии. Следователь не обязан становиться защитником одной из сторон, но он обязан создать такие процессуальные условия, при которых права не существуют только на бумаге.

Следователь также отвечает за законность применения мер процессуального принуждения. Именно здесь чаще всего возникает риск несоразмерного ограничения прав. Задержание, обыск, выемка, арест имущества, привод, временное отстранение от должности, ходатайство о заключении под стражу являются сильными инструментами государства. Они допустимы только тогда, когда необходимы, обоснованы и соразмерны. Назначение уголовного судопроизводства не позволяет использовать принуждение как средство психологического давления или процессуального удобства. Чем сильнее вмешательство

в права личности, тем выше должна быть требовательность следователя к основаниям такого вмешательства.

В современных условиях возрастает значение цифровой компетентности следователя. Значительная часть доказательственной информации существует в электронном виде: переписка, платежи, геолокация, видеозаписи, данные мобильных устройств, сведения аккаунтов, электронные документы. Ошибки при изъятии, осмотре, хранении и оценке такой информации могут привести к утрате доказательств или нарушению прав граждан. Следовательно, реализация назначения уголовного судопроизводства сегодня предполагает не только знание норм УПК, но и способность грамотно работать с цифровой следовой картиной.

Таким образом, роль следователя в реализации назначения уголовного судопроизводства является многоуровневой. Он выступает субъектом уголовного преследования, но не должен превращаться в носителя обвинительного уклона. Он защищает права потерпевшего, но не вправе ради этого нарушать права подозреваемого или обвиняемого. Он собирает доказательства для суда, но обязан проверять не только удобные, но и неудобные версии. Он действует от имени государства, но именно поэтому должен быть особенно внимателен к пределам государственной власти. Представляется, что эффективность деятельности следователя следует оценивать не только по количеству окончанных и направленных в суд уголовных дел, такой показатель сам по себе мало говорит о реализации назначения уголовного судопроизводства. Гораздо важнее качество расследования, соблюдение прав участников, обоснованность процессуальных решений, полнота проверки версий, устойчивость доказательств в суде, своевременность восстановления прав потерпевшего и способность следствия отказаться от уголовного преследования там, где оно оказалось необоснованным.

В заключение следует отметить, что назначение уголовного судопроизводства не является отвлеченной правовой формулой. Оно реализуется ежедневно, через конкретные решения конкретного следователя. Именно следователь одним из первых превращает сообщение о преступлении в юридически значимое производство, определяет направление расследования, формирует доказательственную базу, обеспечивает права участников и задает правовой стандарт будущего судебного рассмотрения. Поэтому от профессионализма, самостоятельности, добросовестности и правовой культуры следователя в значительной степени зависит, будет ли уголовное судопроизводство выполнять свое подлинное назначение: защищать потерпевшего, изобличать виновного и одновременно не допускать незаконного преследования невиновного.

Список литературы

«Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 09.04.2026) / КонсультантПлюс (дата обращения: 06.06.2026 г.).

© Макаренко И.А., 2026

Халиков Аслям Наилевич

профессор кафедры криминалистики

Института права Уфимского университета науки и технологий,

доктор юридических наук, профессор

г. Уфа, Россия

КРИМИНАЛИСТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ИНФОРМАЦИОННОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ РАССЛЕДОВАНИЯ УГОЛОВНОГО ДЕЛА

Аннотация. В статье даются тезисы о существовании информации по уголовному делу. Проводится классификация видов информации, содержащейся в материалах уголовного дела. Обосновывается, что криминалистически значимой может быть любая информация, направленная на выявление, раскрытие, пресечение, предупреждение и расследование преступлений.

Ключевые слова: доказательства; информация; преступление; расследование; следователь; следственная ситуация; уголовное дело.

Как известно, содержание материалов уголовного дела включает в себя информацию, используемую в различной мере при расследовании преступления. При этом понятие информации мы берем в самом широком смысле этого слова, которое, например, определяется в Федеральном законе "Об информации, информационных технологиях и о защите информации" как «сведения (сообщения, данные) независимо от формы их представления» (ст. 2). Вместе с тем в криминалистике более типичным является понятие «криминалистически значимая информация», что означает информацию, которую возможно использовать в целях выявления, раскрытия, пресечения, расследования и предупреждения преступлений. Однако данное понятие как криминалистически значимая информация, является несколько условным, поскольку сам процесс расследования преступления нередко означает движение от полного неочевидного состояния обстоятельств расследуемого уголовного дела до предельной очевидности всех устанавливаемых сведений о преступлении, подлежащих доказыванию (ст. 73 УПК РФ). В таком аспекте невозможно назвать вид информации, который бы не имел значение для расследования дела, особенно, когда преступление не является раскрытым. Тем самым, абсолютно любая информация, которую получает следователь или иное должностное лицо, расследующее уголовное дело, может иметь криминалистическое значение, а следовательно, положительно использоваться при расследовании уголовного дела.

В то же время категория информации имеет как объективное, так и субъективное значение, поскольку при ее наличии, использование информации происходит исключительно в социальных отношениях, когда отсутствие таких отношений будет означать и отсутствие информации.

В объективном видении информация, как имеющая криминалистическое значение, исходит из теории отражения, когда любое действие, а в нашем случае – преступное деяние (а следовательно, включая и бездействие), всегда оставляет следы, то есть отраженные в материальном мире сведения о человеческом поведении. Иначе говоря, не существует преступления без оставленных преступником следов, которые в криминалистической классификации разделяются на материальные, идеальные, документальные и цифровые. По сути, названные виды следов – это та же информация, которая объективно существует по результатам деятельности человека в материальном мире или по действиям преступника в течении всего процесса совершения преступления (подготовка, совершение, сокрытие или постпреступное поведение) в заданной им (ему) обстановке. Тем самым, отражение в процессах материального мира при взаимодействии его различных элементов переходит в информацию, существующую объективно, а значит вне зависимости от человека и его сознания.

Вместе с тем информация в большей степени имеет субъективное значение, причем по многим параметрам, начиная от ее недостатка и завершая ее избыточным характером. Нас в данном случае интересует субъективное значение информации по уровню ее восприятия интересующим лицом, которым, чаще всего является следователь. Субъективный характер информации исходит из ее ограниченности в восприятии человеком, когда существование информации во все не означает ее безусловную возможность получения другим лицом, поскольку такие возможности исходят как из свойств самого лица, так и из формы и содержания существа информации. В этом отношении одно из философских определений понятия информации означает, что «информация – есть выбор одного (или нескольких) сигналов, параметров, вариантов, альтернатив и т.п., из многих возможных, и этот выбор должен быть запомнен... С теоретико-информационной точки зрения – это некое идеальное сообщение, уменьшающее или полностью исключающее неопределенность в выборе одной из нескольких возможных альтернатив» [1, с. 32].

Исходя из представленного суждения следует, что, с одной стороны, именно человек ищет и выбирает необходимую информацию исходя из поставленных им целей и своих возможностей. Однако, с другой стороны, сама информация, заключенная во внешние рамки, может носить непосредственно или опосредованно скрытый характер, когда необходимы определенные механизмы (тактические приемы, комбинации, операции) по ее получению. Особенно характерно это проявляется при совершении преступлений, когда происходят этапные виды сокрытия информации: сначала преступник скрывает преступление, затем при выявлении преступления скрывает следы преступления, а при установлении преступника нередко скрывается сам преступник. Соответственно, при таком активном поведении преступника в «игре» с информацией, многое зависит от лица, компетентного обнаруживать и собирать соответствующую информацию криминального направления.

Возвращаясь к содержанию информации по уголовному делу, перечислим типичные их виды по используемому значению:

- доказательственная, то есть имеющее значение в качестве доказательств по уголовному делу, которые перечислены в ч. 2 ст. 74 УПК РФ;

- оперативно-розыскная, то есть представленная оперативно-розыскными органами в соответствии с ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности»;

- общеизвестная информация (информация о реальных (бесспорных) событиях из средств массовой информации, из справочников, нормативных актов государственных и муниципальных органов власти т.д.);

- иная информация, которая не может иметь формы трех предыдущих.

Вместе с тем, данные четыре вида информации по уголовному делу будут только тогда иметь значение в рамках уголовного судопроизводства, когда они перейдут в разряд доказательственной, что, разумеется, далеко не всегда возможно. Однако, как мы указали, любая информация может иметь характер криминалистической, а значит влиять на развитие следственных ситуаций по уголовному делу. И проблема в данном случае заключается в соотношении доказательственной информации по уголовному делу и информации криминалистически значимой, что в идеале должно совпадать, но в практическом значении с формальных или процессуальных позиций никогда не совпадает.

В то же время материалы уголовного дела содержат всю информацию, которая поступает к следователю от других физических и юридических лиц. Аккумуляция такой информации в уголовном деле позволяет видеть уголовное дело в целом, как с позиций обвинения, так и с позиций защиты. Из этого, смеем предположить, что все материалы уголовного дела в той или иной степени «работают» на доказывание обстоятельств по расследуемому уголовному делу. Например, идеально, когда потерпевший в протоколе допроса прямо указывает на подозреваемое лицо, совершившее преступление и приводит обстоятельства нападения последнего. Однако небольшая справка оперативно-розыскных органов, что тот же потерпевший имеет большой долг перед подозреваемым или существует у потерпевшего определенный мотив мести по иным причинам, заставит следователя более скрупулёзно подойти к показаниям потерпевшего как к доказательству и поставит вопрос или сомнения по оговору подозреваемого лица. В этом случае понятие информации начинает соотноситься с такими действиями как анализ информации, ее толкование или интерпретация. И отсюда анализ информации или ее синтез ведут или могут привести к исключению определенных сведений из разряда доказательственной информации, хотя, видимо, данная информация не перестанет иметь название процессуальной исходя из уголовно-процессуальной формы ее получения.

Из представленных тезисов следует необходимость широкого подхода к понятию информации как необходимых сведений об определенных явлениях в социальном мире, а в нашем случае в преступной среде. То есть изначально необходимо в материалах уголовного дела рассматривать общий комплекс информации без отнесения ее к доказательственной или не доказательственной. Собственно мышление человека так и устроено, что сначала мы воспринимаем информацию, а уже затем начинаем ее интерпретировать, относя к доказатель-

ственной или не доказательственной, достоверной или не достоверной, допустимой или не допустимой и т.д.

Таким образом, с практических позиций по уголовному делу не может быть ограничения в накоплении всей информации, относящейся к преступлению. В процессе производства следственных действий, когда возникает вопрос включать информацию в протокол или не включать (следы при осмотре места происшествия, вопросы при допросе, объекты обыска и т.д.), ответ всегда должен быть положительным, поскольку только в последующем полученная информация может иметь значение для раскрытия и расследования преступления. Соответственно, криминалистически значимой может быть любая информация по уголовному делу, причем имеющая значение как в сторону обвинения преступника, так и в сторону защиты невиновного лица.

Список литературы

Меркулов И.П. Информация // Энциклопедия эпистемологии и философии науки. М. 2009. С. 311.

©Халиков А.И., 2026

УДК 343

Халиуллина Айгуль Фаатовна

первый заместитель директора

Института права Уфимского университета науки и технологий,

доктор юридических наук, доцент

г. Уфа, Россия

ПРЕДПОСЫЛКИ ФОРМИРОВАНИЯ КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОГО УЧЕНИЯ ОБ ИСПОЛЬЗОВАНИИ СПЕЦИАЛЬНЫХ ЗНАНИЙ ПРИ РАССЛЕДОВАНИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ С УЧАСТИЕМ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ

Аннотация. В статье рассматриваются исторические и теоретические предпосылки формирования нового криминалистического учения об использовании специальных знаний при расследовании преступлений с участием несовершеннолетних. Прослеживается эволюция учений о личности участника уголовного судопроизводства и о специальных знаниях. Обосновывается необходимость комплексного подхода к изучению личности несовершеннолетних и привлечения сведущих лиц (психологов, педагогов, психиатров) для обеспечения прав и законных интересов данной категории участников, а также повы-

шения эффективности расследования. Сформулированы основные предпосылки выделения данного учения в самостоятельное направление криминалистики.

Ключевые слова: криминалистика, специальные знания, расследование преступлений, несовершеннолетние, личность несовершеннолетнего участника, уголовное судопроизводство, судебная экспертиза, криминалистическое учение.

Сегодня криминалистика представлена вполне сформировавшимися теориями и учениями, входящими в состав общей теории криминалистики, продолжающей пополняться новыми, создаваемыми по мере развития самой науки и в соответствии с потребностями практики. Так, теоретические положения криминалистической идентификации уже давно и успешно применяются в медицине, например, при исследовании крови для установления ее групповой принадлежности, костных останков человека для отождествления личности, иных человеческих выделений в целях генетической идентификации и т.д. Можно назвать и другие криминалистические теории, и учения, положения которых вполне успешно адаптируются к далеким от криминалистики сферам человеческой деятельности. Взаимопроникновение разных наук для решения своих проблем наполняет новым содержанием новые теории.

Признаки внутренней интеграции можно обнаружить и в развитии самих криминалистических теорий и учений. Одним из примеров, на наш взгляд, может стать учение о специальных знаниях, используемых при расследовании преступлений с участием несовершеннолетних. Формируясь на основе двух уже достаточно зрелых криминалистических учений – о специальных знаниях в уголовном судопроизводстве и о личности несовершеннолетнего участника уголовного судопроизводства – это развивающееся учение, отличаясь междисциплинарным характером, может занять особое место в системе общей теории криминалистики.

Формирование криминалистического учения о личности несовершеннолетнего участника уголовного судопроизводства шло поступательно, основываясь на положениях теории изучения личности участника уголовного судопроизводства. Значимость изучения личности в ходе расследования преступлений отмечал еще Г. Гросс. Он выделял два основных направления: установления личности по оставленным следам и особенности работы с допрашиваемыми с целью получения правдивых показаний [1].

В числе первых отечественных криминалистов, уделивших значительное внимание изучению личности, был И.Н. Якимов. Он предложил свою классификацию преступников: «1) профессиональные преступники; 2) случайные; 3) душевнобольные; 4) преступники-дегенераты» [2].

Интерес к криминалистическому изучению личности обвиняемого проявлял и В.И. Громов. Он утверждал, что для правильной оценки преступного поведения обвиняемого следует пристальное внимание уделять информации о его личной жизни, имущественному и семейному положению, общественной деятельности и т. п. [3].

К середине XX в. в отечественной криминалистике в результате систематизации и интеграции научного знания появляются первые учения о личности участника уголовного судопроизводства. Ф.В. Глазырин свою докторскую диссертацию посвятил криминалистическому изучению личности обвиняемого [4]. Е.Е. Центров разработал криминалистическое учение о личности потерпевшего [5].

Большое внимание также уделялось вопросам установления неизвестного преступника. Фундаментальными трудами стали исследования В.Е. Корноухова, В.А. Жбанкова, В.А. Образцова, Т.Ф. Моисеевой, Н.И. Малыхиной, О.А. Соколовой и др.

На современном этапе развития актуальными стали криминалистические учения, обусловленные возрастом, полом, процессуальным положением участника уголовного судопроизводства. Наиболее значимыми учениями о личности стали: диссертационное исследование И.А. Макаренко, которое посвящено криминалистическому изучению личности несовершеннолетнего обвиняемого [6], Р.И. Зайнуллина, разработавшего учение о личности несовершеннолетних потерпевших и свидетелей [7].

Далее обратимся к истории формирования криминалистического учения о специальных знаниях, используемых при расследовании преступлений с участием несовершеннолетних. Еще основоположник криминалистики Г. Гросс в своем фундаментальном «Руководстве для судебных следователей», изданном в конце XIX в., приводил примеры привлечения для розыска скрывшихся преступников представителей особых каст следопытов, чьей родословной могли бы позавидовать самые родовитые и титулованные европейцы [8]. Такие «специалисты» по распознаванию следов и сведущие лица иных профессий, привлекаемые к раскрытию преступлений, были известны и российской истории [9].

Как и сама криминалистика, институт специальных знаний, распространяющийся даже на более широкий по сравнению с ней круг познаваемых явлений, развивался тем не менее по таким же законам. Охватив донаучный или эмпирический этап своего развития и пройдя затем этап теоретического обобщения накопленных данных, этот институт к концу XX в. начинает формироваться уже как самостоятельная, частная научная теория или учение об использовании знаний сведущих лиц в целях раскрытия и расследования преступлений.

Истории развития специальных знаний как уголовно-процессуального института и отраслевым направлениям их использования в практике борьбы с преступностью посвящены исследования многих видных ученых [10]. В их работах с исторических позиций исследовано формирование не только криминалистики и судебной медицины, сыгравших решающую роль в становлении института специальных знаний в уголовном процессе, но и отдельных отраслей такого знания – судебной серологии [11], судебной токсикологии [12], юридической психологии и судебной психиатрии [13], полиграфологии [14] и др., описаны не только этапы становления специальных знаний как процессуально-

го института, но и специфика развития многих форм их применения в уголовном судопроизводстве.

Разнообразие направлений использования знаний сведущих лиц в уголовном процессе послужило поводом к расширению исследований и их правовых форм. Еще в начале 60-х годов прошлого века возник и сегодня сохраняется интерес к правовым формам, дифференцируемым по стадиям уголовного судопроизводства [15], по процессуальному положению сведущих лиц [16], по доказательственному значению результатов использования специальных знаний, навыков и технических средств [17]. Тогда же появились и первые, правда, весьма немногочисленные научные работы, посвященные особенностям применения специальных знаний при расследовании отдельных видов преступлений. Обращает, однако, на себя внимание тот факт, что большинство исследователей находили специфику применения специальных знаний прежде всего в уголовно-правовой квалификации совершаемых противоправных деяний. В частности, в них говорится об особенностях использования специальных знаний при расследовании преступлений против личности, в том числе убийств [18], экономических или экологических преступлений [19], дорожно-транспортных происшествий [20] и др. При этом практически неисследованными остались вопросы применения специальных знаний по делам о преступлениях, которые отличаются своими криминалистическими признаками. В частности, явно недостаточно внимания уделяется проблемам, связанным с применением специальных знаний при расследовании преступлений, совершаемых характерными способами или в специфической материальной обстановке, криминальными группами или профессиональными преступниками и др. Среди таких проблем одной из актуальных сегодня является проблема использования специальных знаний при расследовании преступлений, специфика которых обусловлена особенностями личности преступников и их жертв, в частности совершаемых несовершеннолетними. До недавнего времени эта проблема если и привлекала внимание ученых, то исключительно в качестве сопутствующей решению проблем тактики производства отдельных следственных действий с участием несовершеннолетних либо разработки методик расследования преступлений, совершаемых подростками. Научных исследований на монографическом уровне, которые отличались бы самостоятельным предметом, отражающим специфику использования специальных знаний при расследовании преступлений с участием несовершеннолетних, тем более на уровне частной криминалистической теории, не проводилось. И это несмотря на то, что многие вопросы, возникающие по таким делам, невозможно решать без привлечения лиц, сведущих в самых разнообразных отраслях науки и техники. Это вопросы о возрасте, уровне психического и интеллектуального развития детей, вовлеченных в орбиту уголовного судопроизводства, касающиеся взаимоотношений следователя с подростками, участвующими в проведении следственных действий, оценки показаний несовершеннолетних с точки зрения их достоверности и др. Потребность в их решении вынуждает сегодня говорить об использовании специальных знаний и навыков в таких делах как о проблеме, заслуживающей

не меньшего внимания, чем проблема тактико-технического или методического обеспечения борьбы с подростковой преступностью. Научное исследование данной проблемы, отличаясь многоаспектностью, должно базироваться на изучении не только современного состояния мер борьбы с преступностью несовершеннолетних с целью выработки способов противодействия им, но и тенденций развития института специальных знаний, позволяющем определить их место в арсенале правомерных средств достижения указанных целей.

Еще Г. Гросс обратил внимание на психологические особенности детского восприятия действительности, препятствующие получению от детей достоверных показаний [21]. Надо полагать, благодаря и этим наблюдениям выдающегося ученого-криминалиста законодатель в итоге пришел к выводу о необходимости признания обязательным участие психологов и педагогов в допросе несовершеннолетних (ч. 1 ст. 191, ч. 3 ст. 425 УПК РФ).

Сегодня продолжают исследования проблем использования специальных знаний, в основном знаний специалистов в области детской психологии и психиатрии, для повышения эффективности раскрытия и расследования преступлений несовершеннолетних.

Исходя из изложенного, можно сделать вывод, что назрела необходимость формирования учения о специальных знаниях, используемых в расследовании преступлений с участием несовершеннолетних. Предпосылками формирования такого учения являются:

1. возникающая по мере развития науки потребность в теоретических обобщениях и систематизации накопленных знаний, в том числе в целях совершенствования практики использования специальных знаний при расследовании преступлений с участием несовершеннолетних;
2. использование достижений научно-технического прогресса, требующие интеграции научных знаний в целях повышения эффективности расследования преступлений с участием несовершеннолетних;
3. невозможность познания некоторых обстоятельств преступлений с участием несовершеннолетних, без обращения к помощи лиц, сведущих в отдельных отраслях науки, техники, искусства, ремесла;
4. отсутствие комплексного подхода к изучению личности несовершеннолетних участников уголовного судопроизводства, требующие разработки соответствующих методов и средств их познания;
5. увеличивающееся количество подростков с аномальной личностной незрелостью, требующее особого подхода к ним с привлечением специальных знаний;
6. необходимость обеспечения прав и законных интересов несовершеннолетних участников уголовного судопроизводства.

Таким образом, формирование любой науки происходит посредством сбора, анализа и обобщения теоретического и эмпирического материала. Криминалистическое учение об использовании специальных знаний при расследовании преступлений с участием несовершеннолетних, раскрывая закономерности привлечения сведущих лиц к участию в работе следователя и суда по таким

делам, может стать теоретической основой для разработки новых методов и средств, рекомендуемых наукой для практического их применения органами правосудия.

Список литературы

1. Гросс Г. Руководство для судебных следователей как система криминалистики. Новое изд., перепеч. с изд. 1908 г. М.: ЛексЭст, 2002. С. 44.
2. Якимов И.Н. Криминалистика. Руководство по уголовной технике и тактике. Новое изд., перепеч. с изд. 1925 г. М.: ЛекЭст, 2003. С. 229–234.
3. Громов В.И. Дознание и предварительное следствие. Методика расследования преступлений. Осмотр места происшествия: сборник научных трудов. М.: ЛексЭст, 2003. С. 130.
4. Глазырин Ф.В. Криминалистическое изучение личности обвиняемого: дис. ... д-ра юрид. наук. Свердловск, 1973. С. 33–36.
5. Центров Е.Е. Криминалистическое учение о потерпевшем. М., 1988.
6. Макаренко И.А. Криминалистическое изучение личности несовершеннолетнего обвиняемого: дис. ... д-ра юрид. наук.
7. Зайнуллин Р.И. Учение о личности несовершеннолетних потерпевших и свидетелей.
8. Гросс Г. Руководство для судебных следователей как система криминалистики. Новое изд., перепеч. с изд. 1908 г. М.: ЛексЭст, 2002. С. 623–625.
9. Эксархопуло А.А. Криминалистика: учебник. СПб.: Лема, 2009. С. 47–50.
10. Крылов И.Ф. Криминалистическая экспертиза в России и в СССР в ее историческом развитии: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Л., 1966; Эксархопуло А.А. Специальные знания и их применение в исследовании материалов уголовного дела. СПб.: Изд. дом СПбГУ, 2005. С. 9–48; Эксархопуло А.А., Макаренко И.А., Зайнуллин Р.И. Криминалистика: история и перспективы развития: монография. М.: Юрайт, 2019. С. 97–102; Комиссарова Я.В. Концептуальные основы профессиональной деятельности эксперта в уголовном судопроизводстве. М.: Юрлитинформ, 2011. С. 54–66; Она же. Профессиональная деятельность эксперта в уголовном судопроизводстве. М.: Юрлитинформ, 2014. С. 90–102; Телегина Т.Д. Использование специальных знаний в современной практике расследования преступлений: монография. М.: Юрлитинформ, 2011. С. 7–16.
11. Торвальд Ю. Криминалистика сегодня. Развитие судебной серологии. М.: Юридическая литература, 1980.
12. Ваганов П.А., Лукницкий В.А. Нейтроны и криминалистика. Л.: ЛГУ, 1981. С. 86–101; Торвальд Ю. Век криминалистики. Ростов н/Д: Феникс, 1996. С. 283–436.
13. Владимиров Л.Е. Психологическое исследование в уголовном суде. М., 1901; Еникеев М.И. Юридическая психология: учебник для вузов. М.: Нор-

ма, 2005. С. 7–18; Крылов И.Ф. Были и легенды криминалистики. Л.: ЛГУ, 1987. С. 128–140.

14. Комиссарова Я.В. Полиграф в России: историко-правовой и криминалистический аспект // Комиссарова Я.В., Мягих Н.И., Пеленицын А.Б. Полиграф в России и США: проблемы применения. М.: Юрлитинформ, 2012. С. 3–25.

15. Винберг А.И. Специалист в процессе предварительного расследования // Социалистическая законность. 1961. № 3; Комаринец Б.М. Работа экспертов-криминалистов в качестве специалистов при проведении следственных действий // Вопросы криминалистики и судебной экспертизы: сборник второй. Душанбе, 1962; Махов В. Участие специалиста в расследовании преступлений // Социалистическая законность. 1969. № 5; Палиашвили А.Я. Экспертиза в суде по уголовным делам. М., 1973.

16. Ароцкер Л.Е. Права, обязанности и роль специалистов при производстве следственных и судебных действий // Вопросы криминалистики. Вып. 6-7. М., 1962; Нестер И.С. Использование специальных знаний в стадии возбуждения уголовного дела (по материалам Республики Беларусь): дис. ... канд. юрид. наук. М., 2018.

17. Ланцман Р.М. Использование возможностей кибернетики в криминалистической экспертизе и некоторые проблемы уголовно-судебного доказывания: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 1970; Любарский М.Г. Об оценке заключения эксперта в судебном разбирательстве // Вопросы судебной экспертизы. Сб. 4-й. 1968; Селина Е.В. Доказывание с использованием специальных познаний по уголовным делам / под ред. А.А. Хмырова. М.: Юрлитинформ, 2003; Степутенкова В.К. Значение судебной экспертизы для уголовно-правовой оценки исследуемого события // Правовые и методологические проблемы судебной экспертизы: сборник научных трудов. Вып. 10. М., 1974; Эксархопуло А.А. О возможности использования знаний специалистов при оценке доказательств по уголовным делам // Теория и практика криминалистического обеспечения предупреждения, раскрытия и расследования преступлений в сфере незаконного оборота наркотиков. СПб., 2000.

18. Комаринец Б.М. Участие экспертов-криминалистов в проведении следственных действий по особо опасным преступлениям против личности // Проблемы судебной экспертизы. Судебные трасологическая и баллистическая экспертизы: сборник № 3. М., 1961; Шиканов В.И. Использование специальных познаний при расследовании убийств. Иркутск, 1976; Иванова Е.А. Использование специальных знаний при выявлении и расследовании преступлений, связанных с опасными для здоровья веществами: теория и практика: дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2014.

19. Мамкин А.М. Применение судебно-бухгалтерских знаний в практике выявления экономических преступлений: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Н. Новгород, 1999; Михалева Н.В. Правовые и организационные аспекты использования специальных знаний в целях установления ущерба, причиненного экологическим правонарушением: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2016.

20. Яблоков Н.П. Оценка судом и следователями заключений автотехнической экспертизы // Вопросы судебной экспертизы: материалы научной конференции 28 июня – 2 июля 1960 г.; Ким О.Д. Проблемы и пути совершенствования расследования дорожно-транспортных происшествий на основе научных знаний: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Воронеж, 1998.

21. Гросс Г. Руководство для судебных следователей как система криминалистики. Новое изд., перепеч. с изд. 1908 г. М.: ЛексЭст, 2002. С. 121–128.

©Халиуллина А.Ф., 2026

УДК 343.9

Абдрахманова Лилия Набиулловна

аспирант кафедры криминалистики

Института права Уфимского университета науки и технологий,
г. Уфа, Россия

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПРОЦЕССУАЛЬНОГО СТАТУСА СПЕЦИАЛИСТА В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Аннотация. В настоящей статье рассматривается процессуальная фигура специалиста в российском уголовном судопроизводстве. Анализируются ключевые функции, права и обязанности специалиста, проводится сравнительный анализ его статуса со статусом эксперта. Основное внимание уделяется проблемным аспектам, связанным с неопределенностью доказательственного значения заключения специалиста и отсутствием четкой правовой регламентации его деятельности. Приводится углубленный анализ гносеологической природы заключения специалиста, рассматривается его роль в конкретных следственных действиях, а также проводится сравнительно-правовой анализ с зарубежными правовыми системами. Предлагаются конкретные пути реформирования законодательства для усиления гарантий состязательности сторон и объективности правосудия.

Ключевые слова: специалист, эксперт, уголовный процесс, заключение специалиста, доказательства, криминалистика, специальные знания, Уголовно-процессуальный кодекс РФ, состязательность сторон, теория доказательств, сравнительное правоведение.

В условиях стремительного развития науки и техники проникновение специальных знаний во все сферы общественной жизни, включая юриспруденцию, становится объективной необходимостью. Уголовное судопроизводство, как область, непосредственно связанная с установлением истины по делу,

не является исключением. Привлечение лиц, обладающих специальными знаниями, для содействия правосудию является одним из важнейших условий эффективного расследования и рассмотрения уголовных дел.

Центральными фигурами, обладающими такими знаниями, в российском уголовном процессе выступают эксперт и специалист. Однако если статус эксперта регламентирован достаточно подробно, то процессуальное положение специалиста, его права, обязанности и, что наиболее важно, доказательственное значение его заключений до сих пор вызывают острые научные дискуссии и порождают проблемы в правоприменительной практике [1].

Согласно статье 58 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (УПК РФ), специалист – это лицо, обладающее специальными знаниями, привлекаемое к участию в процессуальных действиях для содействия в обнаружении, закреплении и изъятии предметов и документов, применении технических средств, для постановки вопросов эксперту, а также для разъяснения сторонам и суду вопросов, входящих в его профессиональную компетенцию.

Ключевыми функциями специалиста являются:

1. **Консультативно-справочная деятельность.** Разъяснение вопросов, требующих специальных знаний, как на стадии предварительного расследования, так и в суде.

2. **Технико-криминалистическое содействие.** Помощь следователю или суду в применении научно-технических средств (например, при проведении осмотра места происшествия, обыска).

3. **Формулирование мнения в форме заключения.** Представление своего суждения по поставленным вопросам в виде заключения специалиста.

Именно последняя функция является наиболее дискуссионной. В отличие от заключения эксперта, которое является самостоятельным видом доказательств (ст. 74 УПК РФ), правовая природа заключения специалиста четко не определена, что порождает основную коллизию.

Несмотря на кажущуюся схожесть, фигуры специалиста и эксперта имеют кардинальные процессуальные различия, которые подробно анализируются в научной литературе [2].

Цель привлечения. Эксперт привлекается для проведения исследования и ответа на поставленные вопросы с целью установления обстоятельств, имеющих значение для дела. Специалист же, в первую очередь, оказывает содействие, а его заключение носит характер предварительного суждения.

1. **Процессуальная форма.** Для получения заключения эксперта выносится постановление о назначении экспертизы. Для привлечения специалиста достаточно устного ходатайства или инициативы следователя (суда).

2. **Форма и содержание заключения.** Заключение эксперта – это результат полноценного исследования, оно имеет строгую структуру. Заключение специалиста – это суждение по вопросам, поставленным перед ним, часто без проведения лабораторных или иных сложных исследований.

3. **Ответственность.** Эксперт несет уголовную ответственность за дачу заведомо ложного заключения по статье 307 УК РФ, о чем он предупреждается.

На специалиста такая ответственность прямо не возложена, что снижает «вес» его слов в глазах суда.

Ключевые проблемы процессуального статуса специалиста:

1. **Неопределенность доказательственного значения заключения специалиста.** Это центральная проблема. УПК РФ относит заключение специалиста к «иным документам», что ставит его в один ряд с рапортами, справками и другими материалами, которые, как правило, имеют ориентирующее, а не доказательственное значение. На практике это приводит к тому, что суды часто игнорируют выводы специалиста, особенно если они противоречат обвинительной версии, основанной на заключении эксперта. Сторона защиты, представляя заключение специалиста для опровержения выводов судебной экспертизы, сталкивается с формальным отказом в его приобщении к материалам дела как полноценного доказательства. Однако в современной доктрине обоснованно отмечается, что заключение специалиста выступает специфическим справочно-вспомогательным средством доказывания, обладающим самостоятельной познавательной ценностью [3].

2. **Риск подмены экспертизы.** Сложилась порочная практика, когда для экономии времени и ресурсов следствие вместо назначения полноценной судебной экспертизы ограничивается получением заключения специалиста. Это позволяет быстро получить нужное «мнение», но лишает процесс гарантий объективности и всесторонности, предусмотренных для экспертизы (права обвиняемого на отвод эксперта, постановку дополнительных вопросов, ознакомление с заключением).

3. **Отсутствие четкой процессуальной регламентации.** Закон не содержит ясных указаний о порядке получения заключения специалиста, требованиях к его форме и содержанию. Отсутствует механизм рецензирования и оспаривания выводов специалиста, аналогичный тому, который существует в отношении экспертизы (например, назначение дополнительной или повторной экспертизы).

Отнесение законодателем заключения специалиста к категории «иных документов» (п. 6 ч. 2 ст. 74 УПК РФ) представляется не просто формальной классификацией, а глубокой теоретической ошибкой, игнорирующей гносеологическую (познавательную) природу данного источника сведений. Любое доказательство в уголовном процессе – это сведения о фактах, полученные из определенного, предусмотренного законом источника. Ценность доказательства определяется его способностью нести в себе новую информацию об обстоятельствах, подлежащих доказыванию.

Заключение эксперта признается полноценным доказательством именно потому, что оно является результатом специального исследования, в ходе которого извлекается новая, ранее не очевидная информация. Однако и заключение специалиста, по своей сути, является продуктом логической и аналитической обработки исходных данных (материалов дела, объектов, документов) посредством применения специальных знаний. Как справедливо отмечает Е.Р. Россинская, специальные знания, реализуемые в форме заключения специалиста, об-

ладают самостоятельной доказательственной ценностью и не могут быть механически приравнены к документам ориентирующего характера [4]. Специалист, анализируя заключение судебного эксперта, может выявить в нем методические ошибки, неполноту исследования, внутренние противоречия или несоответствие выводов современным научным данным. Разве эти сведения, имеющие критическое значение для оценки первичного доказательства, не являются новой, юридически значимой информацией? Безусловно, являются.

Низводя это знание до уровня «иногo документа», законодатель искусственно занижает его процессуальную ценность и ставит в один ряд с документами, которые лишь удостоверяют факты, но не являются результатом интеллектуальной деятельности по их анализу (например, справка о судимости). Это нарушает принцип свободной оценки доказательств (ст. 17 УПК РФ), поскольку судья, видя формально низкий статус заключения специалиста, психологически и юридически склонен отдавать безусловный приоритет заключению эксперта, даже если оно содержит очевидные изъяны, вскрытые специалистом.

Роль специалиста не ограничивается дачей заключений. Его участие в следственных действиях носит незаменимый характер, однако его потенциал часто используется не в полной мере.

1. **При осмотре места происшествия:** Специалист-криминалист не просто помогает в поиске и фиксации следов. Он способен реконструировать механизм события по неочевидным признакам, определить наиболее вероятные места нахождения микрообъектов, дать рекомендации по правильной тактике изъятия сложных следов (например, электронных или биологических), чтобы не допустить их утраты или повреждения. Его консультация на месте позволяет следователю выдвинуть и проверить рабочие версии «по горячим следам».

2. **При допросе и очной ставке:** Привлечение специалиста (психолога, педагога, инженера, программиста) может кардинально изменить ход допроса. Например, психолог помогает установить психологический контакт с несовершеннолетним потерпевшим, формулирует вопросы в корректной форме и оценивает достоверность показаний с точки зрения возрастных и индивидуальных особенностей. Технический специалист при допросе по делам о киберпреступлениях может немедленно выявить ложь или уловки в показаниях подозреваемого, оперирующего сложной терминологией, чего не сможет сделать следователь, не обладающий знаниями в данной области.

Игнорирование возможности привлечения специалиста на этих этапах часто приводит к невозможной утрате доказательственной информации или к получению неполных, поверхностных сведений.

Проблема использования специальных знаний в суде не является уникальной для России. Однако подходы к ее решению в разных правовых системах демонстрируют большую приверженность принципу состязательности, что подробно исследовано в научной литературе [1].

В англосаксонской системе (США, Великобритания) ключевой фигурой является «эксперт-свидетель» (*expert witness*). Важнейшим отличием является то, что и сторона обвинения, и сторона защиты имеют равное право привлекать

своих экспертов для дачи показаний в суде. Это порождает так называемую «битву экспертов», в ходе которой суд присяжных или судья, выслушав обе стороны, их аргументы и перекрестный допрос, решает, чьи выводы представляются более убедительными. Такая система, несмотря на критику за ее составительный «экстремизм», предоставляет защите реальный механизм для оспаривания доказательств обвинения.

В романо-германской системе (Германия, Франция) суд, как правило, сам назначает независимого эксперта. Однако это не лишает стороны права представлять мнения своих, частным образом привлеченных специалистов. Такое заключение («частная экспертиза») рассматривается судом как аргументированное мнение стороны по делу и может стать основанием для вызова и допроса судебного эксперта, назначения дополнительной или повторной экспертизы. То есть, даже в системе, где доминирует следственный принцип, мнение специалиста стороны защиты является весомым процессуальным поводом для сомнения в официальных выводах.

На этом фоне российская модель, где заключение специалиста защиты низведено до статуса «иного документа» и часто игнорируется судом, выглядит как явный анахронизм, ограничивающий право на защиту и принцип равенства сторон.

Фигура специалиста обладает огромным потенциалом для повышения качества и объективности уголовного судопроизводства. Однако существующие законодательные пробелы и неопределенность его статуса существенно снижают эту эффективность, создавая явный дисбаланс в пользу стороны обвинения.

Для решения обозначенных проблем требуется комплексное реформирование законодательства, основные направления которого уже обсуждаются в научной литературе [2].

1. Признание заключения и показаний специалиста самостоятельным видом доказательств. Необходимо внести прямое изменение в часть 2 статьи 74 УПК РФ, дополнив ее пунктом «заключение и показания специалиста». Это станет фундаментальным шагом к уравниванию процессуальных возможностей сторон.

2. Детальная регламентация статуса. Следует внести изменения в статью 58 УПК РФ, четко прописав требования к форме и содержанию заключения специалиста, а также порядок его истребования и представления в суде. Необходимо закрепить обязанность суда мотивированно оценивать такое заключение в совокупности с другими доказательствами и в случае его отклонения указывать конкретные основания в приговоре или ином итоговом решении.

3. Введение ответственности специалиста. Для повышения доверия к данному участнику процесса и его выводам целесообразно ввести норму об ответственности специалиста за дачу заведомо ложного заключения или показаний по аналогии со статьей 307 УК РФ, предусмотренной для эксперта.

Специалист должен предупреждаться об этой ответственности перед началом своей работы.

Реализация этих мер не только устранил существующий правовой вакуум, но и станет реальным шагом к укреплению состязательности сторон, предоставив защите действенный инструмент для оспаривания сомнительных выводов экспертиз. Это, в свою очередь, будет способствовать более полному, всестороннему и объективному установлению истины по уголовному делу, что является конечной целью правосудия.

Список литературы

1. Тарасов А.А. Эксперт и специалист в уголовном процессе России: монография. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Проспект, 2017. 128 с.
2. Гришина Е.П. Концептуальные и правовые проблемы участия специалиста в состязательном уголовном судопроизводстве: монография. М.: Юрлитинформ, 2015. 208 с.
3. Расулова Н.С., Россинский С.Б. Заключение специалиста как справочно-вспомогательное средство доказывания в уголовном судопроизводстве: монография. М.: Юрлитинформ, – 2023. – 176 с.
4. Россинская Е.Р. Судебная экспертиза в гражданском, арбитражном, административном и уголовном процессе: науч.-практ. пособие. 3-е изд., перераб. и доп. М.: Юрайт, – 2021. – 582 с.

© Абдрахманова Л.Н., 2026

УДК 343

Бекетова Юлия Андреевна

аспирант юридического института

Национального исследовательского

Мордовского государственного университета им. Н.П. Огарева,

г. Саранск, Россия

ПРОБЛЕМЫ ОЦЕНКИ ДОСТОВЕРНОСТИ ЗАКЛЮЧЕНИЯ СУДЕБНО-ТОКСИКОЛОГИЧЕСКОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ ПО ДЕЛАМ О ПРЕСТУПЛЕНИЯХ, СВЯЗАННЫХ С ПРИМЕНЕНИЕМ ТОКСИЧНЫХ ВЕЩЕСТВ

Аннотация. Полное и объективное установление следователем и судом фактических обстоятельств по уголовным делам о преступлениях, связанных с применением токсичных веществ, невозможно без использования заключения судеб-но-токсикологической экспертизы. Содержащиеся в нем выводы экспер-

та, прежде чем они будут использованы в доказывании, должны быть оценены, в том числе с позиции их достоверности. Сложность осуществления такой оценки обусловлена спецификой проведенной экспертизы как формы применения специальных знаний, объективно-субъективным характером содержания экспертного заключения, отсутствием четких критериев определения достоверности и т.д. В этой связи необходимо обеспечить профессиональных субъектов доказывания научно-методическими рекомендациями, позволяющими им правильно оценить выводы эксперта и использовать их в доказательственной деятельности по уголовному делу.

Ключевые слова: судебно-токсикологическая экспертиза, заключение эксперта, выводы эксперта, достоверность, оценка достоверности, критерии оценки достоверности.

Успешное расследование и судебное рассмотрение уголовных дел о преступлениях, связанных с применением токсичных веществ, невозможно без проведения экспертных исследований, в ходе которых разрешаются многие важные вопросы. Чаще всего по уголовным делам с подозрением на криминальное отравление проводятся судебно-токсикологические экспертизы, с помощью которых выясняется наличие или отсутствие токсичного вещества в организме пострадавшего, какое токсичное вещество было применено, каким путем оно попало в организм пострадавшего, к каким последствиям привело и др. [6, с. 19]. Заключение судебно-токсикологической экспертизы является самостоятельным видом доказательств, сущность которого выражается в сделанных экспертом на основании проведенного исследования выводов по вопросам, поставленным перед ним следователем (судом).

Как любое иное доказательство, заключение судебно-токсикологической экспертизы подлежит оценке уполномоченным субъектом с целью использования содержащихся в нем выводов в процессе доказывания (установления) конкретных обстоятельств уголовного дела. Предметом оценки экспертного заключения выступают его отдельные свойства (относимость, допустимость, достоверность). При этом если оценка относимости и допустимости заключения эксперта проводится, главным образом, на основании формальных критериев (требованиях закона об обстоятельствах, подлежащих доказыванию по уголовному делу (ст. 73 УПК РФ) и правилах получения доказательств (ст.ст. 74 и 75 УПК РФ), то оценка достоверности данного заключения нормативно не урегулирована и проводится исключительно на основе внутреннего убеждения субъекта доказывания [2, с. 150].

Уголовно-процессуальный закон не раскрывает понятия «достоверность доказательства», отсутствует однозначное понимание категории достоверности доказательств и в научных исследованиях. Тем не менее, в операционных целях, применительно к доказательственной деятельности содержание понятия «достоверность» точнее всего раскрывается с помощью характеристик «соответствие объективной действительности», «несомненность установления знания», «доказательность, обоснованность, бесспорность знания» и т.п. [5, с. 120-126].

Соответственно, вопрос о достоверности экспертного заключения поднимается, главным образом, при оценке содержательной части заключения и, в первую очередь, сделанных экспертом выводов по итогам проведенного исследования. Содержащиеся в заключении выводы эксперта можно считать достоверными, если они соответствуют действительности, являются, несомненно, установленным знанием, полученным при изучении определенных объектов.

Достоверность выводов эксперта в литературе рассматривается как юридическое выражение истинного знания, полученного экспертом в результате проведенного им исследования. Методологически значимым считается вопрос о том, достигается ли объективная истина экспертом и в каком качестве. В гносеологии выделяются абсолютная истина (полное, исчерпывающее знание чего-то, верное для всех случаев, которое не может быть опровергнуто, расширено, уточнено и т.п.) и относительная истина (знание, которым субъект обладает на данный момент, оно может быть неполным, распространяться лишь на отдельные случаи). При оценке достоверности заключения эксперта важно учитывать диалектическое соотношение между абсолютной истиной и относительной истиной [4, с. 34-45].

Достоверность выводов, полученных в ходе экспертного исследования, прежде всего, должна быть констатирована самим экспертом, который провел данное исследование и составил по его итогам соответствующее заключение. Осознание экспертом, что он излагает в заключении заведомо ложные выводы, не соответствующие действительности, будет являться основанием для привлечения эксперта к уголовной ответственности по ст. 307 УК РФ.

Наряду с этим, достоверность заключения эксперта подлежит оценке со стороны иных субъектов уголовно-процессуального доказывания, в частности, следователя, судьи. У этих субъектов должны быть четкие и надежные критерии оценки достоверности, используя которые в процессе свободной оценки заключения эксперта, они сформировали свое внутреннее убеждение о правильности, достоверности, истинности выводов эксперта.

В научной литературе высказываются обоснованные сомнения в принципиальной возможности глубокой и полной оценки достоверности заключения эксперта в связи с тем, что ни следователь, ни судья не обладают необходимыми для этого знаниями и навыками. «Орган, назначивший экспертизу, не в состоянии оценить ни научную обоснованность выводов эксперта, ни правильность выбора и применения им методов исследования, ни соответствие этих методов современным достижениям соответствующей области знания, поскольку для такой оценки этот орган должен обладать теми же познаниями, что и эксперт» [3, с. 234]. Основываясь на известной концепции обязательной силы экспертных заключений и отчасти разделяя взгляд на эксперта как «научного судью», многие исследователи утверждают, что о подлинной оценке заключения эксперта речь идти не может. «Не разбираясь достаточно профессионально в примененных экспертом методах, технических средствах и экспертных методиках, следователь и суд вынуждены были в большинстве случаев полагаться на авторитет либо эксперта, либо автора методики или метода, либо органа или

учреждения, давшего «добро» на применение данной методики. При таком положении дел ни о какой оценке не могло быть речи, если вместо убежденности основанием становилась вера» [1, с. 465]. Кроме того, «увеличение объема знаний, относящихся к специальным, расширение объема применяемых при исследовании объектов экспертизы новейших методов, усложнение приборной базы несомненно затрудняют оценку достоверности заключения эксперта неспециалистом...» [1, с. 465].

Тем не менее, заключение эксперта должно быть оценено следователем и судом наряду с другими имеющимися по делу доказательствами, при этом оно, как и иные доказательства, не приобретает заранее установленную силу. Законодатель не предусматривает и каких-либо дополнительных требований к оценке экспертного заключения.

Надлежащая оценка достоверности заключения судебно-токсикологической экспертизы может быть проведена с помощью различных средств (приемов) познания. Субъект оценки может провести критический анализ содержания заключения эксперта с позиции его полноты, внутренней согласованности, убедительности и т.д. Сделанные экспертом выводы должны быть сопоставлены с имеющимися в материалах дела доказательствами. Необходимой при оценке достоверности экспертного заключения следует признать помощь (консультации) независимых специалистов, призываемых именно для оценки заключений [3, с. 236].

В современной литературе остается открытым вопрос о критериях, которыми должны руководствоваться следователь и судья при оценке достоверности заключения эксперта. Изучив предложенные исследователями разные требования, при соответствии которым заключение эксперта признается достоверным, можно в качестве самого общего критерия принять достижение/недостижение экспертом истинного знания в сформулированных выводах. При этом должен быть учтен характер такого знания, то есть представляет ли он абсолютную истину или относительную истину.

В выводах, содержащихся в заключении судебно-токсикологической экспертизы, установление некоторых фактов может считаться абсолютной истиной. Например, что в исследуемом объекте (внутреннем органе, тканях, изъятых у трупа, и пр.) обнаружено токсичное вещество (при условии, что оно там действительно имеется). Данный факт не может быть ни опровергнут, ни уточнен. В то же время, вывод о количественном содержании обнаруженного токсичного вещества представляет собой лишь относительную истину, поскольку его концентрация зависит от реального количества этого вещества в организме, от примененной экспертом методики исследования и ряда других факторов (времени, прошедшего с момента отравления, естественного выведения яда из организма, проведенного лечения и т.д.). Можно предположить, что поступательное развитие токсикологической химии в будущем приведет к разработке более точных методик определения количественного содержания токсичных веществ в органах, тканях и жидкостях человеческого организма, это приблизит

получаемые результаты к абсолютной истине, но в настоящий момент данная задача до конца не разрешена.

Характер устанавливаемой истины играет большую роль в оценке достоверности экспертного заключения. Конечно, для следователя и судьи более предпочтительными будут выводы, носящие характер абсолютной истины. Однако, в определенных случаях для принятия обоснованного процессуального решения по делу уполномоченному органу или должностному лицу может быть достаточно и полученного экспертом знания, имеющего характер относительной истины (например, когда эксперт устанавливает наличие в организме токсичного вещества в количестве, намного превышающем смертельную дозу, то такой вывод, хотя и не представляет собой абсолютную истину, позволяет считать причиной смерти именно отравление).

Оценить достоверность содержательной стороны заключения судебно-токсикологической экспертизы следователю и судье могут помочь конкретные критерии, основанные на требованиях законодательства, научных знаниях, общепроцессуальных принципах оценки доказательств, учитывающие специфику объекта экспертизы и решаемые ею задачи.

Прежде всего, устанавливается, какие объекты были подвергнуты исследованию и являются ли они теми, которые предоставлялись эксперту (перечислены в постановлении о назначении экспертизы). С учетом того, что при подозрении на отравление конкретным токсичным веществом (группой веществ) должны быть взяты на лабораторное исследование определенные органы, ткани и жидкости организма, необходимо проверить правильность отбора исследуемого биологического материала. Также необходимо убедиться в том, что экспертом соблюдались правила отбора, консервации, хранения этих объектов. Так, при неправильном хранении биологических образцов (неплотная укупорка, отсутствие холодильника и др.) токсичные вещества (особенно легколетучие) могут разлагаться или испаряться [6, с. 46].

Большое значение имеет выбор экспертом правильной методики исследования. Эксперт должен при этом исходить из современных научно-технических знаний, учитывать апробированность методики, ее точность и другие характеристики.

Заключение эксперта должно содержать подробное, последовательное описание проведенной работы, позволяющее увидеть, на основании чего и каким образом были получены те или иные результаты. Сделанные экспертом выводы не могут быть произвольными, а должны вытекать из проведенного исследования, основываться на установленных в ходе исследования фактах, объяснять эти факты. Все выводы эксперта должны быть логичными, ясными, конкретными, основанными на полном исследовании представленных материалов, исключать их двоякое толкование.

Проведенное химико-токсикологическое исследование должно учитывать закономерности морфологических изменений токсичных веществ в организме человека, время, прошедшее от момента введения токсичного вещества в организм до момента исследования, оказанное пострадавшему лечение в связи

с отравлением, сообщенные эксперту обстоятельства отравления (жалобы, поведение пострадавшего, характерные клинические симптомы отравления, общую картину умирания и т.д.).

При решении задачи обнаружения в организме пострадавшего токсичного вещества эксперт должен обязательно изучить возможность появления этого вещества в исследуемых образцах из окружающей среды, в результате эндогенных процессов организма либо вследствие осуществленного лечения лица.

Особого внимания требует сделанный экспертом вывод о том, что причиной смерти пострадавшего является именно его отравление определенным токсичным веществом. Такой вывод может основываться лишь на комплексной оценке и анализе всех данных, имеющихся в распоряжении эксперта (результатов проведенного им исследования, зафиксированных в материалах дела обстоятельств происшествия, результатов судебно-медицинских исследований и др.) [6, с. 51].

Таким образом, оценка достоверности заключения судебно-токсикологической экспертизы на практике оказывается достаточно сложной и трудоемкой. Однако это не означает, что любое заключение эксперта заранее будет недоступным для оценки со стороны следователя и суда. Такая оценка должна быть проведена, поскольку только достоверные выводы эксперта могут использоваться в доказывании обстоятельств уголовного дела.

Список литературы

1. Аверьянова Т. В. Судебная экспертиза: Курс общей теории / Т. В. Аверьянова. М.: Норма, 2006. 480 с.
2. Барыгина А. А. Особенности оценки отдельных видов доказательств в уголовном судопроизводстве / А. А. Барыгина. М.: Юрлитинформ, 2013. 400 с.
3. Белкин А. Р. Теория доказывания: научно-методическое пособие / А. Р. Белкин. М.: НОРМА, 1999. 429 с.
4. Вермель И. Г. Вопросы теории судебно-медицинского заключения / И. Г. Вермель. М.: Медицина, 1979. 128 с.
5. Ильина Е. Р. Оценка заключения судебно-медицинского эксперта по уголовным делам / Е. Р. Ильина, В. В. Сергеев, А. А. Тарасов. М.: Юрлитинформ, 2008. 224 с.
6. Руководство по судебно-медицинской экспертизе отравлений / под ред. Я. С. Смусина, Р. В. Бережного, В. В. Томилина и др. М.: Медицина, 1980. 424 с.

© Бекетова Ю. А., 2026

Варфоломеев Роман Андреевич

старший преподаватель кафедры криминалистики

Института права Уфимского университета науки и технологий,

кандидат юридических наук,

г. Уфа, Россия

СЛЕДСТВЕННЫЕ СИТУАЦИИ, ТРЕБУЮЩИЕ ПРОИЗВОДСТВА ПРОВЕРКИ ПОКАЗАНИЙ НА МЕСТЕ С УЧАСТИЕМ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНЕГО

Аннотация. В статье рассматриваются вопросы классификации следственных ситуаций, обуславливающих необходимость производства проверки показаний на месте с участием несовершеннолетних лиц. На основе анализа ранее проведенных научных исследований, а также результатов изучения эмпирического материала, предлагается классификация наиболее типичных следственных ситуаций. Обосновывается практическая значимость ситуационного подхода для определения тактики производства и обеспечения доказательственной ценности результатов следственного действия.

Ключевые слова: криминалистика, проверка показаний на месте, следственные ситуации, несовершеннолетний, следственные версии, криминалистическая тактика.

с Проверка показаний на месте занимает особое место в системе процессуальных действий, поскольку имеет комплексный характер, выражающийся в сочетании признаков как вербального, так и невербального следственного действия. Как верно отмечено Р.И. Зайнуллиным, когнитивная и психологическая незрелость несовершеннолетнего предполагает учет особенностей его личности с целью принятия следователем тактических решений [1, с. 157]. При участии данных лиц проверка показаний на месте приобретает дополнительную тактическую и психологическую сложность, обусловленную возрастными особенностями восприятия, запоминания и вербализации информации, повышенной эмоциональной уязвимостью, а также спецификой процессуального статуса несовершеннолетних лиц.

В современной криминалистике наблюдается устойчивый интерес к ситуационному подходу при производстве следственных действий. Производство проверки показаний на месте не является исключением. Вместе с тем, вопрос классификации следственных ситуаций, требующих проверки показаний на месте с участием несовершеннолетних, остаётся недостаточно разработанным в прикладном аспекте.

Проведенный нами анализ научной литературы позволяет выделить следующие следственные ситуации, требующие производства проверки показаний на месте:

- показания ранее допрошенного лица содержат информацию о маршруте или месте, однако, данных сведений недостаточно для их индивидуализации и полного описания;
- показания ранее допрошенного лица содержат информацию о предметах и следах, которые потенциально могут являться доказательством по уголовному делу;
- наличие в распоряжении следователя показаний нескольких лиц, требующих их сопоставления между собой относительно события, произошедшего в определенном месте, либо маршрута следования к этому месту;
- наличие в распоряжении следователя показаний, в которых содержатся сведения об обстановке места события, связанного с расследуемым уголовным делом [2, с. 114-116].

Выделяются и иные следственные ситуации:

- отсутствие в показаниях ранее допрошенного лица точного описания характера и последовательности действий на месте интересующего органы предварительного расследования события;
- выражение допрошенным лицом готовности участия в реконструкции обстановки места события, при наличии сведений о ней в ранее данных показаниях;
- наличие в распоряжении следователя результатов осмотра места происшествия, противоречащих информации, сообщенной в ходе допроса [3, с. 86-87].

Анализ эмпирического материала и ранее проведенных исследований позволяет выделить следующие разновидности следственных ситуаций, свидетельствующих о необходимости производства проверки показаний на месте с участием несовершеннолетнего.

1. Ситуация пространственно-вербального затруднения характеризуется тем, что несовершеннолетний не может описать координаты места события, детализировать его обстановку или полно охарактеризовать действия участников и их последовательность, но заявляет о возможности их демонстрации непосредственно на месте.

В данной ситуации выдвижению подлежат следующие основные версии:

- несовершеннолетний располагает информацией об обстоятельствах произошедшего, готов сотрудничать, но испытывает трудности в вербальном взаимодействии;
- несовершеннолетний не владеет информацией о произошедшем событии, ранее данные им показания являются ложными;
- несовершеннолетний осведомлен об обстоятельствах события, однако желает ввести следователя в заблуждение с целью оказания противодействия.

2. Ситуация информационно-поисковой направленности возникает, когда несовершеннолетний на допросе сообщает о существовании не известных ранее

следователю вещественных доказательств, следов преступления, трупов, живых лиц, маршрутах передвижения лиц, имеющих значение для расследования уголовного дела.

В данной ситуации выдвижению подлежат следующие основные версии:

- несовершеннолетним сообщены правдивые сведения, но возрастные особенности не позволяют точно описать расположение данных объектов;
- объекты, на которые указывает несовершеннолетний, действительно существуют, но описаны они неверно из-за возрастной склонности к фантазированию;
- обстановка описываемого места выдумана несовершеннолетним, в действительности оно произошло в ином месте;
- обстоятельства совершенного преступления и обстановка места выдуманы несовершеннолетним (например, с целью оговора или самооговора).

3. Верификационно-противоречивая ситуация формируется при несоответствии информации об обстановке произошедшего события, содержащейся в показаниях несовершеннолетнего иным доказательствам, собранным по уголовному делу.

В данной ситуации выдвижению подлежат следующие основные версии:

- добросовестное заблуждение несовершеннолетнего под влиянием объективных или субъективных факторов;
- обстановка, воспринятая несовершеннолетним, претерпела изменения к моменту ее восприятия следователем в силу естественных причин или вмешательства третьих лиц;
- показания несовершеннолетнего являются правдивыми, тогда как сведения, сообщаемые иными участниками уголовного процесса недостоверны;
- выявленные несоответствия между показаниями несовершеннолетнего и результатами иных следственных действий (например, осмотра места происшествия) объясняются некачественным производством и фиксацией последних;
- несовершеннолетний умышленно сообщает недостоверные сведения, стремясь избежать привлечения к ответственности либо скрыть информацию о лицах, причастных к совершению преступления.

Представленная классификация следственных ситуаций, требующих производства проверки показаний на месте с участием несовершеннолетнего, отражает фактические обстоятельства, складывающиеся к моменту принятия решения о производстве указанного следственного действия и дает следователю возможность заранее оценить информационный потенциал следственного действия, спрогнозировать риски и выстроить дифференцированный алгоритм выдвижения и проверки следственных версий. Ситуационный подход, учитывающий как объективные параметры обстановки, так и особенности развития несовершеннолетних участников уголовного судопроизводства, выступает надежной основой для выдвижения версий и планирования производства следственного действия.

Список литературы

1. Зайнуллин Р.И. Некоторые криминалистические проблемы производства проверки показаний на месте с участием несовершеннолетнего // Ученые записки Казанского университета. Серия: гуманитарные науки. – 2025. – № 3. – С. 152-162.
2. Белоусов В.И. Проверка показаний на месте в ходе предварительного расследования: дис. ... канд. юрид. наук. – Краснодар, 2003. – 223 с.
3. Меркулова, М.В. Тактика проверки показаний на месте события: дис. ... канд. юрид. наук. – М., 2008. – 262 с.

© Варфоломеев Р. А., 2026

УДК 343

Вяткин Андрей Николаевич

старший преподаватель кафедры криминалистики
Института права Уфимского университета науки и технологий,
кандидат юридических наук,
г. Уфа, Россия

КРИМИНАЛИСТИЧЕСКАЯ ПРОФИЛАКТИКА ЛЕСНЫХ ПОЖАРОВ

Аннотация. Актуальность проблемы сохранения лесов на территории Российской Федерации обусловила необходимость поиска дополнительных инструментов. Проведенное исследование выявило ряд ключевых факторов низкой эффективности профилактики лесных пожаров, незначительной доли уголовных дел, по которым установлены подлежащие привлечению к уголовной ответственности лица; низкого уровня возмещения прямого и косвенного ущерба, причиненного лесными пожарами.

Причинами подобного положения дел служат недостатки нормативного обеспечения сохранения лесов, организационного и методического обеспечения расследования фактов их уничтожения пожарами.

В рамках функционирования созданной в Институте права Уфимского университета науки и технологий проектно-учебной лаборатории, специализирующейся на создании в сфере нормотворчества и правоприменения проектов с использованием современных цифровых инструментов, в том числе аппаратно-программных средств (технологий искусственного интеллекта), организована разработка законодательной инициативы, призванной нейтрализовать негативные факторы, создающие причины и условия лесных пожаров. В качестве эмпирической базы использована складывающаяся следственная практика в части

установления причин и условий лесных пожаров, ее сопоставлении с действующими нормами, официальной статистикой и оценками экспертного научного сообщества.

В настоящее время осуществляется доработка законопроекта, его широкое обсуждение с использованием различных дискуссионных площадок. Предлагается вниманию практиков и представителей науки для конструктивной критики и альтернативных предложений.

Ключевые слова: лесные пожары, уничтожение лесных насаждений, повреждение лесных насаждений, криминалистическая профилактика, расследование, эффективность, нормативное обеспечение, организационное обеспечение.

Проблема сохранения лесов сохраняет свою актуальность для Российской Федерации и большинства стран мира на протяжении длительного времени. Одним из факторов уничтожения лесов, а равно создающих угрозу жизни и здоровью, имуществу жителей прилегающих к лесным массивам населенных пунктов, служат лесные пожары. Согласно данным статистики, до трети от общего числа пожаров в мире происходят на территории лесов (порядка 2%), покрытых кустарниковой растительностью участков, полей (до 20%), мусорных свалок на территории лесов и полей (до 10%) [1]. В ряде стран доля лесных пожаров в распределении их площадей существенно выше среднемировой: Финляндия – 17%, Швеция – 14%, Чехия – 10%, Россия – 8% [2, с. 25].

Количество лесных пожаров в России ежегодно составляет до 5,5 тысяч с площадью охвата до 3 млн гектаров [3]. В лесах Республики Башкортостан в 2025 году силами ГУ МЧС России потушено 20 пожаров, к моменту локализации распространившихся на территории 76 гектаров [4].

На решении проблемы сохранения лесов от пожаров сосредоточены многие представители науки. Так, С.Г. Аксенов, отмечая внушительные масштабы прямых потерь от уничтожения лесов пожарами и затрат на их тушение, а также косвенных (снижение качества воздуха, утрату биоразнообразия, долгосрочные климатические изменения), подчеркивает важность защиты лесов с экономической точки зрения [5, с. 54].

Статистические данные, а также результаты специальных исследований, складывающаяся следственно-судебная практика позволяют сделать вывод о преобладании антропогенного (человеческого) фактора среди причин лесных пожаров – по разным оценкам от 50 до 90% [6]. Как умышленные, так и неосторожные действия человека, ставшие причиной лесного пожара, квалифицируются как предусмотренное статьей 261 Уголовного кодекса Российской Федерации деяние «Уничтожение или повреждение лесных насаждений». Между тем, эффективность расследования дел соответствующей категории низка, а причиненный вред не возмещается [7, с. 105]. Существующая методика расследования уголовных дел о лесных пожарах, равно как и базовая методика расследования поджогов, предполагает проведение поисковых мероприятий

по установлению лиц, находившихся вблизи места очага возгорания [8, с. 108; 9, с. 159].

В таких условиях представляется необходимым в рамках комплексного совершенствования криминалистического обеспечения расследования рассматриваемой категории дел активно использовать функцию прогнозирования и профилактики на основе анализа установленных причин и условий совершения преступлений [10, с. 68; 11, с. 40]. Их синтез позволяет обозначить среди ключевых причин лесных пожаров свойственную человеку легкомысленность; условий – недостаточность нормативного и организационного обеспечения. В свою очередь, ограниченность ресурсов требует сосредоточиться на первоочередной проблеме – совершенствованию нормативного регулирования профилактики лесных пожаров на основе обобщения их причин из материалов практики расследования.

Отправными тезисами для разработки соответствующего законопроекта, направленного на устранение причин и условий, могут быть нормы о контроле перемещения в пожароопасный сезон на территории лесов. В частности, представляется необходимым обязать лиц, пересекающих границу лесов:

- страховать риски нахождения в пожароопасной зоне,
- регистрировать предполагаемый маршрут,
- иметь актуальные для конкретной местности средства связи (мобильный или спутниковый телефон, рация),
- иметь средства навигации и фиксации фактического маршрута (трекер).

Кроме того, необходимо обеспечить силами операторов мобильной связи, скоординированными РСЧС (региональной системой предупреждения чрезвычайных ситуаций) информирование о пересечении пожароопасной зоны посредством направления сообщения разъясняющего и профилактического характера.

Следует предусмотреть действенные санкции за нарушение перечисленных норм. В своей совокупности обозначенные нововведения призваны повысить уровень сознательности граждан, их ответственности; одновременно обеспечив дополненными средствами криминалистической идентификации органы правоохраны.

Исходные тезисы для их реализации в законопроекте разработаны в рамках функционирования проектно-учебной лаборатории «КИБЕРЛАБ» Института права Уфимского университета науки и технологий, в настоящее время проходят доработку с использованием современных цифровых инструментов, а по ее завершении будут направлены для рассмотрения в Государственное Собрание – Курултай Республики Башкортостан.

Список литературы

1. Сайт международной ассоциации пожарно-спасательных служб [электронный ресурс] <https://ctif.org/ru/topics/statistika-pozharov>.

2. Мировая пожарная статистика. Отчет №25 за 2020 год // Сайт международной ассоциации пожарно-спасательных служб [электронный ресурс] https://ctif.org/sites/default/files/2020-06/CTIF_Report25.pdf.
3. Официальный сайт Федерального агентства лесного хозяйства Российской Федерации [электронный ресурс] <https://rosleshoz.gov.ru/rates/forest-fires/>.
4. Официальный сайт ГУ МЧС по Республике Башкортостан [электронный ресурс] <https://02.mchs.gov.ru/deyatelnost/press-centr/novosti>.
5. Аксенов, С. Г. Важность пропаганды защиты лесов от пожаров с экономической точки зрения / С. Г. Аксенов, К. С. Забара // Социосфера. – 2025. – № 1. – С. 53-55.
6. Полянская, М. А. Следственные ситуации, возникающие на первоначальном этапе расследования преступлений, связанных с уничтожением или повреждением лесных и иных насаждений путем поджога / М. А. Полянская // Научный портал МВД России. – 2024. – № 2(66). – С. 103-109.
7. Казанцев, С. Я. Особенности расследования лесных пожаров и возникающие в связи с этим проблемы / С. Я. Казанцев, Г. А. Скрипко // Вестник Казанского юридического института МВД России. – 2023. – Т. 14, № 3(53). – С. 104-111.
8. Файзуллина, А. А. Типичные следственные ситуации и планирование расследования по делам об убийствах, сопряженных с поджогом / А. А. Файзуллина // Правовое государство: теория и практика. – 2018. – № 2(52). – С. 159-164.
9. Вяткин, А. Н. Комплексный подход в профилактике преступлений: на примере расследования незаконной рубки леса / А. Н. Вяткин // Вестник Института права Башкирского государственного университета. – 2024. – № 1(21). – С. 68-76. – DOI 10.33184/vest-law-bsu-2024.21.6.
10. Вяткин, А. Н. Криминалистическая профилактика экологических преступлений / А. Н. Вяткин // Актуальные проблемы уголовного процесса и криминалистики: Материалы Всероссийской научно-практической конференции с международным участием, Иркутск, 16 февраля 2024 года. – Иркутск: Всероссийский государственный университет юстиции, 2024. – С. 40-45.

© Вяткин А. Н., 2026

Гайфуллина Альбина Рауфовна

ассистент кафедры криминалистики

Института права Уфимского университета науки и технологий,
г. Уфа, Россия

ОБЕСПЕЧЕНИЕ ДОСТОВЕРНОСТИ ПОКАЗАНИЙ НА ДОПРОСЕ: ТАКТИКО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Аннотация. В статье исследуется тактико-психологический механизм обеспечения достоверности показаний подозреваемых и обвиняемых в уголовном процессе. На основе синтеза криминалистической тактики, юридической психологии и современных стандартов доказывания выявлены условия, при которых следственное взаимодействие минимизирует риски когнитивных искажений, защитной ригидности и процессуальной недопустимости. Представлена структурная модель допроса, ориентированная на добровольность, когнитивную доступность и логическую верифицируемость показаний. Цель статьи - выделить тактико-психологические условия, обеспечивающие добровольность, когнитивную целостность и логическую проверяемость показаний подозреваемых и обвиняемых, и предложить их процессуально обоснованную реализацию. Научная новизна состоит в переосмыслении допроса не как информационной «добычи», а как структурированного когнитивно-коммуникативного взаимодействия, где тактика выступает регулятором психологических рисков, а психология - основой тактической допустимости. Результаты могут быть использованы в методическом обеспечении следственной деятельности, профессиональной подготовке кадров и разработке процессуальных гарантий.

Ключевые слова: достоверность показаний, тактико-психологическое взаимодействие, допрос, когнитивная нагрузка, процессуальные гарантии, криминалистическая тактика, юридическая психология.

Достоверность показаний остаётся одним из наиболее уязвимых элементов системы доказывания. По данным судебной статистики и экспертных оценок, значительная часть дел, возвращаемых для дополнительного следствия или завершающихся оправдательными приговорами, связана не с отсутствием информации, а с её процессуальной или психологической искажённостью на этапе фиксации. Традиционные тактические рекомендации нередко оперируют категориями «преодоления», «выявления» или «активизации», что создаёт риск смещения фокуса с условия правдивости на условие результативности, игнорируя когнитивные и эмоциональные механизмы формирования показаний.

Научная проблема заключается в отсутствии системной модели, которая бы органично связывала тактические приёмы допроса с психологическими закономерностями воспоминания, коммуникации и стрессового реагирования в рамках действующего уголовно-процессуального законодательства. Достовер-

ность показаний в уголовном процессе (ст. 75, 88 УПК РФ) [11] не тождественна их фактической истинности. Это «процессуально-психологическая категория», отражающая соответствие показаний внутренним критериям: добровольности дачи показаний, отсутствию внешнего давления, логической связности, проверяемости и устойчивости к перекрёстному сопоставлению.

Психологически достоверность зависит от трёх базовых механизмов. Во-первых, от «когнитивной доступности» – способности лица извлекать и структурировать воспоминания без навязанных схем. Во-вторых, от «эмоциональной регуляции» – уровня стресса, не блокирующего работу эпизодической памяти и не провоцирующего защитную автоматизацию. В-третьих, от «коммуникативной синхронизации» – качества взаимодействия, исключающего семантические искажения и прагматическую двусмысленность вопросов.

Тактический аспект заключается в создании условий, при которых эти механизмы функционируют в пределах процессуальной нормы. Психологический аспект – в предупреждении когнитивных искажений (эффекта подтверждения, ретроспективной реконструкции, внушаемости), которые легальными методами невозможно полностью устранить, но можно минимизировать через выверенную тактику взаимодействия.

Именно в точке пересечения этих двух измерений формируется содержательное понимание термина «допрос». Основой поисково-познавательной деятельности следователя служит применение эффективных средств познания происшедшего преступного события. Одним из таких средств является допрос. Допрос является единственным следственным действием, без производства которого не обходится ни одно расследование. Именно допрос занимает большую часть рабочего времени следователя при расследовании преступлений. В этой связи, конечно же, представляет интерес уровень эффективности производства допроса, что можно добиться лишь при грамотном использовании тактических приемов [4, с. 100].

В учебнике криминалистики, изданном кафедрой криминалистики МГЮА допрос рассматривается как «наиболее распространенное следственное действие, заключающееся в получении от лица показаний об обстоятельствах, подлежащих доказыванию при производстве по уголовному делу, а также иных, криминалистически значимых обстоятельствах» [5, с. 321]. Суть допроса заключается в получении от допрашиваемого лица сведений (показаний), т.е. устной речевой информации об обстоятельствах и фактах, имеющих значение для уголовного дела [12, с. 246].

Бертовский Л.В. пишет, что «допрос - понятие интегративное. В процессуальном отношении допрос - это следственное действие, которое производится

в целях собирания доказательств. Это делается путем получения фиксируемых в протоколе допроса и иными способами показаний допрашиваемого об известных ему обстоятельствах, исследуемых по уголовному делу». По своей сути допрос является одним из процессуальных видов информационного взаимодействия, межличностного общения и обмена информацией двух главных дей-

ствующих лиц - допрашивающего и допрашиваемого. В случаях, регламентированных законодателями (например, при допросе малолетнего, глухонемого, лица, не владеющего языком, на котором ведется производство), в процесс указанного взаимодействия включаются и некоторые другие лица (защитник, переводчик, педагог и др.). С криминалистической точки зрения существенно то, что данное действие - средство собирания и проверки не только доказательственной, но и ориентирующей информации, которую следователь получает от допрашиваемого лица с помощью речевых и неречевых (жестов, мимики и т. п.) коммуникаций [1, с. 29].

Ясно, что само понятие « обмен информацией » предполагает получение ее как следователем, так и допрашиваемым [10]. Известный русский врач-невропатолог, психиатр Владимир Михайлович Бехтерев отмечал, что «устное и печатное или писаное слово, мимика и жесты и, наконец, действие, возбуждающее подражание, - вот те способы, или средства, благодаря которым устанавливается общение в массе лиц и которыми достигается установление взаимоотношения отдельных лиц в общественных группах» [2, с. 11]. В процессе допроса допрашиваемый получает большое количество информации из самого факта вызова на допрос, из заданных ему вопросов, предъявляемых доказательств и из других источников. Полученной информацией он может распорядиться по-разному. В одном случае отнестись к ней нейтрально, в другом - она подтолкнет его к активным действиям (обсуждению хода следствия с другими лицами, в том числе и причастными к совершению преступления, уничтожению улик, силовому воздействию на других свидетелей, участников процесса и т. д.). Моделируя развитие ситуации по последнему варианту, субъект поисково-познавательной деятельности может иметь целью допроса не получение от допрашиваемого показаний, а именно последующую активизацию указанных лиц, планируя при этом проведение других следственно-оперативных мероприятий для получения уголовно-релевантной информации [1, с. 30].

Если в ходе допроса лицо, его производящее, прежде всего исходит из необходимости получить именно показания, то усилия субъекта поисково-познавательной деятельности направлены в первую очередь на получение следующей информации:

- 1) о самом допрашиваемом (как о личности, слеодообразующем и следовоспринимающем объекте);
- 2) об обстоятельствах и обстановке исследуемого события, его участниках и роли каждого в содеянном;
- 3) о материально фиксированных следах и объектах - носителях интересующей следствие информации, а также о свидетельской базе [1, с. 30].

Допрос является не только способом получения новой информации, но и средством проверки, уточнения, углубления, закрепления данных, почерпнутых ранее из других источников. Важное значение указанное следственное действие имеет и для проверки состоятельности выдвинутых до его производства следственных версий. По ходу допроса могут выдвигаться и проверяться новые версии. Опираясь на данные, полученные в результате завершеного допроса, сле-

дователь имеет возможность построить очередные и скорректировать ранее выдвинутые версии, выйти на уровень принципиально новых задач, определить направления, средства, методы и приемы их решения [6, с. 236-237].

Бертовский Л.В. выделяет следующие принципы допроса:

- строго индивидуальный подход к каждому лицу, дающему показания, учет индивидуальных особенностей личности, криминалистической ситуации, а также места и роли допрашиваемого в познаваемой по делу ситуации;
- создание до и во время допроса предпосылок, обеспечивающих свободу волеизъявления допрашиваемого лица, полную реализацию его прав, обязанностей и возможности дать исчерпывающие, правдивые показания;
- целеустремленный, активный, наступательный характер допроса;
- четкость, полнота, объективность фиксации задаваемых вопросов и информации, полученной от допрашиваемого, на основе безусловного выполнения нормативных требований данного процесса;
- обеспечение критического анализа, тактически правильной оценки показаний допрашиваемого лица [1, с. 30].

В своей работе «Криминалистическая психология» выдающийся отечественный криминалист В.А. Образцов отмечал, что «следователь не может вести себя равнодушно и пассивно во время допроса, он не должен формально относиться к тому, как ведет себя допрашиваемый и что он говорит, фиксируя без должной юридической оценки его показания. Задача следователя состоит не только в том, чтобы выступить с инициативой о необходимости передать ему информацию носителем, но и в том, чтобы держать под постоянным контролем ход и результаты допроса, анализировать информацию, выявлять упущения, неточности, пробелы, противоречия в показаниях, сопоставлять их с данными из других источников» [7, с. 34]. В случае если допрашиваемый занимает позицию противодействия следствию, то необходимо предпринять все меры, задействовать весь тактический арсенал для изменения позиции допрашиваемого на бесконфликтную. А в бесконфликтной обстановке активность субъекта поисково-познавательной деятельности направлена на оказание помощи допрашиваемому в припоминании интересующих обстоятельств, активации его памяти [1, с. 33].

Также не стоит забывать о «тактических комбинациях», о которых писал Р.С. Белкин. Под данным термином он понимал такие тактические приемы допроса, которые именуются «следственными хитростями» и «психологическими ловушками» [8, с. 70]. Следственная хитрость – это маневрирование достоверной информацией, создание на допросе такой ситуации, при которой допрашиваемый дезориентируется о степени осведомленности следователя об обстоятельствах дела, о наличии у него определенных доказательств. Это может быть достигнуто, во-первых, показом предметов, аналогичных тем, которые имеют отношение к расследуемому преступлению. Например, группа подростков похитила из магазина десять бутылок коньяка. Перед допросом одного из подозреваемых следователь, используя информацию, полученную в результате проведения оперативно-розыскных мер, поставил на подоконник три бутылки, взя-

тых из магазина. В кабинет был приглашен подозреваемый. При заполнении анкетной части протокола следователь заметил, что подозреваемый невольно косит глазами в сторону бутылок, стоящих на подоконнике. И на вопрос следователя: «Где остальные?» подозреваемый ответил, что бутылки спрятаны у него дома. В другом случае, при краже демисезонного пальто из магазина, следователь подобрал аналогичное по цвету и фасону и попросил инспектора уголовного розыска внести его в кабинет во время допроса и повесить в шкаф. Увидев пальто в руках инспектора, подозреваемый начал проявлять признаки нервозности и на предложение следователя дать правдивые показания рассказал о совершенной краже [8, с. 72].

Пользоваться приемами, связанными с демонстрацией какого-то предмета в расчете на возникновение у допрашиваемого определенных ассоциаций, свидетельствующих о его причастности к совершенному преступлению, можно лишь при условии, что следователь не ссылается на этот предмет как на доказательство, не приписывает ему несуществующих качеств. В связи с этим отметим, что «хитрость», если ее понимать как изобретательность, искусность следователя, является элементом тактического приема [8, с. 72].

Критерием правомерности приемов, основанных на создании представлений «должна являться недопустимость со стороны следователя сообщения каких-либо ложных сведений, утверждений, оперирования ложными посылками, создания искусственных ситуаций, исключающих возможность правильного выбора (с точки зрения обеспечения права обвиняемого на защиту)» [3, с. 241]. Критерии оценки допустимости тактических комбинаций основаны на общих принципах, действующих в отношении любого тактического приема. Они должны полностью соответствовать требованиям уголовно-процессуального закона и подвергаться тщательной нравственной оценке. Только при соблюдении этих условий тактические приемы могут быть использованы при допросе [8, с. 72].

Значительное количество ошибок допускается следователями при фиксации показаний допрашиваемых. По общему правилу показания записываются от первого лица, при этом нет требований дословной фиксации сообщенного допрашиваемым. Главное - изложить суть интересующей информации. При этом зачастую следователи, находясь в плену какой-либо версии, умышленно, или не осознавая того, искажают полученную информацию, перефразируя слова допрашиваемого или не внося их в протокол вовсе.

Конечно, фиксация показаний должна быть максимально точной, а после составления протокола он должен быть прочитан допрашиваемым и согласован с ним. Кроме того, в ряде случаев (при допросе детей, людей, находящихся в тяжелом состоянии и др.), обязательно необходимо использовать дополнительные средства фиксации (видеозапись).

Очевидцы, рассказывая о произошедших событиях, зачастую предоставляют недостоверную информацию. И это относится не только к тем, которые по каким-либо причинам пытаются ввести в заблуждение следствие, но и абсолютно добросовестных свидетелей и потерпевших. Происходит это из-за раз-

нообразных нарушений, возникающих в процессе восприятия, запоминания и передачи информации. Поэтому любые показания, даже самые искренние, предоставленные потерпевшими и свидетелями, должны быть проверены, соотнесены с другой, имеющейся достоверной информацией по делу, и только после этого их можно использовать в качестве доказательств. Пренебрежение хотя бы одним из указанных принципов может повлечь за собой замедление темпов расследования или вообще завести следствие в тупик [1, с. 30-33].

При допросе важно учитывать, что формирование личностной информации (психических отражений, следов памяти) складывается из следующих моментов:

- 1) восприятия человеком объекта;
- 2) отражения в памяти человека признаков воспринимаемого объекта (формирования его мысленного образа)
- 3) преднамеренного либо непроизвольного запоминания мысленного образа объекта (удержания его в памяти).

Указанный образ - психический след не статичен, он изменчив, подвергается «старению», испытывает на себе влияние других следов от многочисленных воздействий.

Здесь следует остановиться на основных принципах работы нашей памяти. Это необходимо по двум причинам. Во-первых, знание закономерностей функционирования памяти позволит субъекту поисково-познавательной деятельности сформулировать свои авторские подходы к работе со свидетелями, разработать новые рекомендации, способствующие оптимизации работы по получению правдивых показаний на предварительном следствии. Во-вторых, нужно учитывать, что конечная оценка полученных доказательств производится профессиональными судьями, а, в случае рассмотрения дел с участием присяжных заседателей, и коллегией присяжных. Однако и у тех, и у других в большинстве своем отсутствуют специальные познания о процессе формирования показаний, свойствах памяти, об условиях, влияющих на процессы восприятия, запоминания и воспроизведения воспринимавшегося ранее события, явления и т. д., т. е. именно тех, которые необходимы для адекватной оценки полученной информации. Вместе с тем проведенные исследования показали, что именно такие познания позволяют правоприменителям более адекватно оценивать полученную в ходе допроса информацию [1, с. 34-35].

Эффективное обеспечение достоверности строится на последовательной реализации четырёх взаимосвязанных этапов, каждый из которых решает конкретную тактическую задачу и опирается на определённый психологический механизм.

Первый этап – адаптация и снижение когнитивной нагрузки. Тактическая задача заключается в создании предсказуемой среды: разъяснение прав, установление временного ритма, минимизация отвлекающих факторов. Психологически это активизирует рабочую память, снижает тревожный компонент и предотвращает «паралич анализа». Процессуальной опорой выступают требо-

вания ст. 189 УПК РФ, а также использование аудио- и видеофиксации, участие защитника.

Второй этап – свободное изложение и хронологическая развёртка. Следователь получает первоначальную версию событий без директивных вопросов, что позволяет естественно активировать эпизодическую память допрашиваемого и минимизировать семантическое вмешательство. Данный этап регламентирован ст. 190 УПК РФ [11], предусматривающей свободный рассказ, и требует фиксации последовательности изложения.

Третий этап – уточняющее взаимодействие. На этой стадии производится детализация, проверка внутренних связей и работа с противоречиями. Психологически это создаёт когнитивную нагрузку на реконструкцию событий, позволяя выявить зоны устойчивости и лабильности памяти. Тактически важно соблюдать запрет на вопросы, содержащие в себе ответы (ст. 190, 191 УПК РФ) [11], чтобы не провоцировать конформизм или защитное отрицание.

Четвёртый этап - процессуальная верификация. Показания сопоставляются с иными доказательствами, фиксируются изменения позиции. Психологически это способствует осознанной коррекции, предотвращает «инерцию показаний» и снижает риск ретроспективного конформизма. Процессуальная основа – ст. 88, 299 УПК РФ [11], требования к протоколированию и видеозаписи.

Ключевой принцип модели: вопросы должны стимулировать «реконструкцию», а не «репродукцию». Закрытые, альтернативные или ведущие вопросы искусственно сужают когнитивное пространство, повышая риск искажений. Открытые, нейтральные, временно-пространственные запросы поддерживают автономию воспоминания и повышают доказательственную ценность показаний.

Защитная реакция подозреваемого или обвиняемого не является синонимом лжи. Это адаптивный психологический механизм, активируемый при восприятии угрозы правовому, социальному или личностному статусу. Тактическая ошибка состоит в попытке «сломать» защиту; тактико-психологически обоснованный подход – в её «легитимном канализировании».

Рекомендуемые механизмы работы включают несколько направлений. Нормализация эмоционального состояния через признание сложности ситуации и разъяснение процедурных гарантий снижает реактивную агрессию или замыкание. Поэтапное предъявление противоречий формулируется не как обвинение, а как запрос на уточнение: «В протоколе осмотра указано Х, Вы ранее сообщили Y. Как это соотносится с Вашими воспоминаниями?». Использование когнитивных пауз - предоставление времени на обдумывание без давления - повышает точность ответов и снижает импульсивные искажения. Процессуальное сопровождение (участие защитника, при необходимости – психолога, непрерывная видеозапись) выступает фактором саморегуляции всех участников.

Важно подчеркнуть, что современные стандарты (п. 46 Постановления Пленума ВС РФ № 51, практика ЕСПЧ по ст. 3, 6 Конвенции) требуют, чтобы достоверность обеспечивалась без нарушения добровольности. Любые приёмы, снижающие автономию воли или когнитивную критичность, переводят показа-

ния в категорию недопустимых доказательств независимо от их фактической правдивости.

Анализ следственной практики выявляет типичные тактико-психологические дисфункции, снижающие достоверность показаний. Форсирование темпа допроса ведёт к когнитивной перегрузке и фрагментарности изложения. Эмоциональное усиление (повышение тона, демонстрация нетерпения) активизирует защитные схемы и провоцирует ригидность позиции. Семантическая двусмысленность вопросов создаёт прагматические искажения смысла. Игнорирование процессуальной формы приводит к утрате доказательственной силы даже при фактической правдивости показаний.

Направления оптимизации включают несколько взаимосвязанных мер. Во-первых, внедрение структурированных протоколов допроса с когнитивно-психологическими маркерами (темп, тип вопросов, паузы, реакции). Во-вторых, обязательное использование аудио- и видеофиксации как инструмента тактической саморегуляции и процессуальной гарантии. В-третьих, интеграция базовых элементов когнитивного интервью (адаптированных к нормам УПК РФ) в ведомственные методики. В-четвёртых, профессиональная подготовка следователей в области юридической психологии с акцентом на когнитивные искажения и коммуникативную этику.

В криминалистической тактике и методике расследования преступлений проявлениями алгоритмизации являются тактические комбинации и тактические операции как оптимальное сочетание соответственно тактических приемов, следственных и иных действий. Практика показывает, что для решения следственных задач необходимо не разрозненное, а комплексное осуществление приемов и действий. Проиллюстрируем это положение на примере ситуационных программ (тактических комбинаций) допроса подозреваемого и обвиняемого. В ситуации сообщения допрашиваемым полностью ложных сведений наиболее эффективна следующая тактическая комбинация: 1) убеждение в неправомерности занятой позиции; 2) использование противоречий в показаниях, 3) неожиданная постановка вопросов; 4) постановка серии взаимосвязанных вопросов; 5) создание у допрашиваемого преувеличенного представления об осведомленности следователя; 6) внезапное предъявление доказательств; 7) предъявление системы взаимосвязанных доказательств. В ситуации отказа подозреваемого (обвиняемого) от дачи показаний оптимальны приемы снятия напряжения в ходе беседы до начала допроса, обращения к положительным чертам личности допрашиваемого и убеждения в неправомерности занятой позиции. Активная упреждающая тактика следствия имеет несколько проявлений: организация и своевременное проведение розыска преступника, похищенного, орудий преступления, иных вещественных доказательств; быстрое проведение следственных действий не в ущерб их качеству; использование фактора внезапности (неожиданное производство задержания преступников, Обыска, выемки, допроса и др. действий); закрепление либо опровержение признания подозреваемого (обвиняемого) в содеянном в ходе проверки показаний на месте; принятие в необходимых случаях мер к охране свидетелей и потерпевших. Та-

ким образом, в распоряжении следователя имеется обширный арсенал средств, приемов и методов, комплексное применение которых влечет во многих случаях успешное преодоление противодействия расследованию [9, с. 65-66].

К сожалению, на практике приживаются лишь те тактические приемы, использование которых не предполагает необходимости освоения сложной методики их использования. Так, следователями на уровне районного звена практически не используются такие эффективные тактические приемы как когнитивное интервьюирование и мониторинг реальности. Таким образом, чем легче тактический прием в применении, тем выше вероятность, что практические работники возьмут его на вооружение [4, с.108].

Если перефразировать известное выражение «железного канцлера Пруссии (позже Германии) Отто Эдуарда Леопольда Бисмарка «политика есть искусство возможного» [1, с. 7], можно сказать, что допрос есть искусство возможного. Мы очень четко понимаем, что не на каждом допросе можно добиться успеха: есть определенная вероятность оказаться в проигрыше. Но для исключения такого исхода необходимо использовать весь имеющийся тактический инструментарий для достижения цели - получения достоверной информации. Допрос – это действительно великое искусство [1, с. 7]. Достоверность показаний не «извлекается», а формируется в условиях тактико-психологически выверенного взаимодействия. Переход от директивных моделей к когнитивно-коммуникативным не снижает эффективности следствия, а повышает его процессуальную устойчивость и доказательственную ценность. Тактика, лишённая психологического обоснования, рискует стать процедурным риском; психология, оторванная от процессуальных рамок, теряет доказательственную силу. Их синтез в рамках действующего УПК РФ и современных стандартов прав человека создаёт основу для достоверности, которая выдерживает проверку судом, временем и научной критикой. Дальнейшие перспективы исследования видятся нами в эмпирической валидации предложенной модели на массиве протоколов допросов, разработке тактико-психологических индикаторов достоверности для систем электронного документооборота и интеграции когнитивно-ориентированных протоколов в ведомственные стандарты следственной деятельности.

Список литературы

1. Бертовский Л.В. Искусство допроса: монография. Москва: Проспект, 2025. 320 с.
2. Бехтерев В.М. Предмет и задачи общественной психологии как объективной науки. СПб., 1911. 20 с.
3. Давыдов В. К вопросу о классификации в пределах применения тактических приемов допроса обвиняемого. В сб. аспирантских работ: актуальные проблемы правовой науки. М. 1970.
4. Зайнуллин Р.И. Тактические приемы допроса в современной практике расследования преступлений // Юридические исследования. 2023. № 7.

C. 99-108. DOI: 10.25136/2409-7136.2023.7.43459 EDN: TBRAEG URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=43459.

5. Криминалистика: учебник / под ред. Е.П. Ищенко. М.: Элит, 2008. 411 с.

6. Образцов В.А. Криминалистика: курс лекций. Серия «Криминалистика», М.: ИМПЭ-ПаблИш, 2004. 447 с.

7. Образцов В. А., Богомолова С. Н. Криминалистическая психология. М. Юнити-Дана; Закон и право, 2002. 446 с.

8. Порубов Н. И. Научные основы допроса на предварительном следствии. 3-е изд., перераб. Мн.: Выш. Школа, 1978. 176 с.

9. Проблемы противодействия преступности в современных условиях: Материалы международной научно-практической конференции 16-17 октября 2003 г. Часть III. Уфа: РИО БашГУ, 2004. 224 с.

10. Протасевич А. А. Допрос как процесс информационного взаимодействия: Учеб. пособие / А. А. Протасевич. Иркутск: Изд-во ИГЭА, 1999. 61 с.

11. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 08.03.2026) (с изм. и доп., вступ. в силу с 26.04.2026). Собрание законодательства Российской Федерации от 2001 г., № 52, ст. 4921.

12. Яблоков Н.П. Криминалистика. М.: Издательская группа НОРМА-ИНФРА М. 2000. 384 с.

© Гайфуллина А.Р., 2026

УДК 343.98

Зиннуров Азамат Загирович

Советник отдела контроля исполнения поручений

Контрольного управления Главы Республики Башкортостан,

г. Уфа, Россия

ЗНАЧЕНИЕ КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОЙ ХАРАКТЕРИСТИКИ ДЛЯ РАССЛЕДОВАНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

Аннотация. В статье исследуется роль криминалистической характеристики преступлений в процессе раскрытия и расследования уголовных дел. Рассматриваются структура и основные элементы криминалистической характеристики, её значение для выдвижения следственных версий, планирования расследования и профилактики преступлений. Анализируются современные вызовы, связанные с появлением новых видов преступлений (киберпреступлений, налоговых правонарушений, высокотехнологичных мошенничеств), и необходимость адаптации традиционных криминалистических характеристик. Приво-

дятся примеры современных научных разработок, в том числе программных средств на основе искусственного интеллекта. Обосновывается необходимость учёта особенностей личности современных несовершеннолетних при формировании криминалистических характеристик отдельных видов преступлений.

Ключевые слова: криминалистическая характеристика преступления, расследование преступлений, следственная версия, способ совершения преступления, личность преступника, киберпреступность, высокотехнологичные преступления, налоговые преступления, несовершеннолетние, искусственный интеллект, профилактика преступлений.

Криминалистическая характеристика преступления занимает особое место в структуре криминалистической науки и практики. Она выступает не только как теоретическая категория, но и как инструмент, обеспечивающий выдвижение наиболее вероятных версий на первоначальном этапе неочевидных преступлений. В условиях усложнения преступных схем и роста числа новых видов правонарушений значение криминалистической характеристики становится всё более актуальным.

Большинство современных ученых едины в определении высокой теоретической и практической значимости криминалистической характеристики групп преступлений [1].

Криминалистическая характеристика преступления — это система обобщённых данных о типичных признаках и связях преступлений определённого вида, отражающая закономерности их совершения и обнаружения. Она включает в себя следующие элементы: способ совершения и сокрытия преступления; личность преступника (социально-демографические, нравственно-психологические, биологические свойства); личность потерпевшего; предмет преступного посягательства; обстановка совершения преступления (место, время, условия); типичные следы и иные материальные последствия.

Эти элементы взаимосвязаны, позволяют сформировать целостное представление о механизме преступления и коррелируются в зависимости от рассматриваемого преступления. В зависимости от вида преступления совокупность элементов криминалистической характеристики может видоизменяться — какие-то становятся менее важными и не играют роли при выдвижении версии, какие-то, напротив, становятся основными. Исключение составляют способ совершения преступления и личность преступника, которые всегда фигурируют в качестве базовых элементов криминалистической характеристики любого преступления.

Как мы уже отметили, криминалистическая характеристика служит основой для выдвижения следственных версий. На основе типичных признаков преступления следователь может предположить возможные мотивы, способы, личности преступников. Выдвинув версии, следователь может начать планирование расследования — определяет круг необходимых следственных действий, оперативно-разыскных мероприятий. И, безусловно, знание криминалистической характеристики преступлений, то есть основных способов его совершения,

портрет возможного преступника, потенциальных жертв, позволяет разрабатывать меры по их предупреждению, а следовательно, криминалистическая характеристика оказывает влияние и на профилактику преступлений.

Таким образом, в теоретическом аспекте криминалистическая характеристика способствует систематизации знаний о преступлениях, формированию частных криминалистических методик. В практической деятельности она обеспечивает повышение эффективности раскрытия преступлений за счёт использования типовых моделей и сокращение времени на расследование благодаря ориентации на наиболее вероятные сценарии.

Современная преступность отличается высокой динамичностью и способностью к быстрой адаптации к новым условиям. С развитием технологий, изменением экономических и социальных процессов появляются новые виды преступлений, такие как киберпреступления, мошенничество с использованием цифровых платформ, экологические правонарушения, финансовые махинации и др. Традиционные криминалистические характеристики, сформированные на основе анализа классических преступлений, зачастую оказываются недостаточно эффективными для расследования новых вызовов. Это требует:

- совершенствования методик сбора и анализа эмпирических данных;
- внедрения цифровых технологий в процесс формирования и использования криминалистических характеристик;
- междисциплинарного подхода (интеграция с психологией, социологией, экономикой).

В подтверждение сказанного можно привести пример разработанной В.В. Поляковым криминалистической характеристики высокотехнологичных преступлений, включающей специфический способ совершения преступлений, применение специально разработанных или модифицированных в преступных целях цифровых средств совершения преступления, дистанционный доступ к объектам преступного посягательства посредством информационно-телекоммуникационных сетей и другие, подробно описанные им признаки [2]. И если криминалистическая характеристика высокотехнологичных преступлений является новой, то криминалистическая характеристика налоговых преступлений, разработанная В.В. Ефимовой, отражает специфику современной налоговой преступности [3].

Мы солидарны с учеными, которые считают необходимым разрабатывать криминалистическую характеристику преступлений, учитывая специфику современного этапа развития общественных отношений и развития личности. Особенно это касается развития несовершеннолетних, которые отличаются от предыдущих поколений подростков глубоким погружением в виртуальное пространство, специфическими интересами и другими особенностями. Изменения в формировании личности современных несовершеннолетних приводят к изменению мотивации совершения преступлений, предмета преступного посягательства, способам их совершения. И если раньше предметом краж, совершённых несовершеннолетними, были продукты питания, одежда, то современные подростки чаще похищают сотовые телефоны и деньги. Такие изменения

создают предпосылки к изменению криминалистической характеристики краж, совершённых несовершеннолетними, на современном этапе.

Криминалистическая характеристика преступления - это фундаментальный элемент криминалистики. Дальнейшее развитие данного направления связано с адаптацией к новым вызовам и интеграцией современных научных достижений.

Так, криминалистическая характеристика преступлений стала рассматриваться базой для создания специальных программ, основанных на применении алгоритмов искусственного интеллекта и методов математической статистики [4]. Это, в частности, программа для ЭВМ «Портрет серийного преступника «PorSerO», разработанная А.А. Бессоновым [5], программное технико-криминалистическое средство «Киберпреступность» с кодификатором преступлений в сфере компьютерной информации, разработанное З.И. Харисовой и И.А. Макаренко [6].

Таким образом, в современный период развития общества и реформирования преступной деятельности регулярное обновление криминалистической характеристики преступления — необходимое условие для эффективной борьбы с преступностью. Только гибкая, научно обоснованная и оперативно адаптируемая система знаний позволяет правоохранительным органам своевременно реагировать на новые вызовы и обеспечивать защиту прав и интересов граждан.

Список литературы

1. Бессонов А.А. О сущности криминалистической характеристики преступлений // Вестник Поволжской академии государственной службы. 2014. № 6 (45). С. 45–51.
2. Головин А.Ю. Криминалистическая характеристика преступлений как категория современной криминалистики // Известия Тульского государственного университета. Экономические и юридические науки. 2012. № 1–2. С. 43–55.
3. Поляков В.В. Структура и содержание криминалистической характеристики высокотехнологичных преступлений // Актуальные проблемы российского права. 2024. № 7. С. 147–159.
4. Ефимова В.В. Особенности криминалистической характеристики современных налоговых преступлений // Российский следователь. 2022. № 3. С. 9–13.
5. Валькирия Н.И. Криминалистическая характеристика преступлений как информационная основа для создания автоматизированных программ // Современное право. 2024. № 12. С. 107–110.
6. Бессонов А.А. Программа для ЭВМ «Портрет серийного преступника «PorSerO» // Свидетельство о регистрации программы для ЭВМ № 2022610749. Заявка № 2021682482 от 27.12.2021. Оpubл. 14.01.2022.

7. Харисова З.И., Макаренко И.А. Программное технико-криминалистическое средство «Киберпреступность» с кодификатором преступлений в сфере компьютерной информации (CyberCodex – КиберКодекс) // Свидетельство о государственной регистрации программы для ЭВМ № 2025682277 (Российская Федерация). Заявка № 2025680136 от 31.07.2025. Оpubл. 22.08.2025.

© Зиннуров А. З., 2026

УДК 343

Карапетян Карен Степанович

ассистент кафедры криминалистики

Института права Уфимского университета науки и технологий,
г. Уфа, Россия

ОБСТОЯТЕЛЬСТВА, ПОДЛЕЖАЩИЕ УСТАНОВЛЕНИЮ. ТИПОВЫЕ СЛЕДСТВЕННЫЕ СИТУАЦИИ И ВЕРСИИ

Аннотация. Криминалистическая методика представляет собой совокупность научных методов, приёмов и способов, применяемых при расследовании конкретных видов преступлений. Она способствует определению содержания, последовательности и особенностей проведения следственных действий и иных мероприятий, направленных на раскрытие преступления. Данный раздел криминалистики включает общие положения и частные криминалистические методики. Структура частных методик не является строгой, поэтому учёные-криминалисты включают в их состав различные элементы. В статье анализируется взаимосвязь ключевых элементов частной криминалистической методики: обстоятельств, подлежащих установлению и доказыванию; типовых следственных версий и типовых следственных ситуаций. Эти элементы важны для расследования, определяя предмет доказывания и способствуя принятию тактически верных решений, формированию эффективного плана расследования. Их взаимосвязь создаёт динамичный алгоритм, позволяющий избежать хаотичности и способствующий установлению истины по уголовному делу.

Ключевые слова: следственные ситуации, следственные версии, обстоятельства, подлежащие установлению, расследование преступлений, первоначальный этап расследования, криминалистическая методика.

Проблема определения структуры частной криминалистической методики расследования преступлений затрагивается многими учёными-криминалистами, что говорит об актуальности и до конца не решённом характере этой проблемы. Прежде чем исследовать частные криминалистические методики и их содержа-

тельные компоненты, необходимо дать определение понятию «криминалистическая методика».

Криминалистическая методика расследования преступлений представляет собой «систему научных положений и принципов наиболее рационального и эффективного использования процессуальных средств, технико-криминалистических и тактико-криминалистических рекомендаций в специфических условиях расследования преступлений определённого вида или разновидности с целью объективного, всестороннего и полного выяснения обстоятельств имевшего место события и установления истины по уголовному делу» [4, с. 370]. Выступая в качестве заключительного раздела криминалистики, криминалистическая методика объединяет положения всех предыдущих разделов применительно к определённому виду или разновидности преступления.

В контексте криминалистической методики следует рассмотреть частные методики расследования, положения которых относятся к конкретным видам или группам преступлений. Структура частных методик включает такие элементы, как: обстоятельства, подлежащие установлению и доказыванию; описание типичных следственных ситуаций, особенностей планирования следственных действий и оперативно-розыскных мероприятий; тактика первоначальных следственных действий и сопутствующих им оперативно-розыскных мероприятий; методические особенности последующего и заключительного этапов [2, с. 22].

Одним из ключевых элементов частных криминалистических методик выступают обстоятельства, подлежащие установлению и доказыванию. Для каждого конкретного преступления необходимо установить существенные обстоятельства, присущие именно данному случаю, однако существуют и общие юридические элементы. На законодательном уровне закреплён перечень обстоятельств, подлежащих доказыванию по любому уголовному делу.

В соответствии со ст. 73 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее – УПК РФ) при производстве по уголовному делу доказыванию подлежат [1]:

1. Событие преступления (время, место, способ и другие обстоятельства совершения преступления);
2. Виновность лица в совершении преступления, форма его вины и мотивы;
3. Обстоятельства, характеризующие личность обвиняемого;
4. Характер и размер вреда, причинённого преступлением;
5. Обстоятельства, исключающие преступность и наказуемость деяния;
6. Обстоятельства, смягчающие и отягчающие наказание;
7. Обстоятельства, которые могут повлечь освобождение от уголовной ответственности и наказания;
8. Обстоятельства, подтверждающие, что имущество, подлежащее конфискации в соответствии со ст. 104.1 УК РФ, получено в результате совершения преступления или является доходом от этого имущества, либо использовалось или предназначалось для использования в качестве орудия преступления,

либо для финансирования терроризма, организованной группы, незаконного вооружённого формирования, преступного сообщества (преступной организации).

Указанный перечень является исчерпывающим и обязательным при доказывании любого преступления, независимо от его вида. Однако он сформулирован в общем виде, поэтому служит исходным ориентиром и не позволяет учесть особенности каждого конкретного преступления [3, с. 94]. Следовательно, перечень обстоятельств, подлежащих установлению, напрямую зависит от вида или разновидности преступления. Например, при расследовании налоговых преступлений необходимо дополнительно установить:

- являлось ли лицо плательщиком данных налогов;
- от каких налогов осуществлялось уклонение и в каком размере;
- каким способом совершено налоговое преступление;
- как плательщик относится к неправомерному занижению налоговых обязательств.

Кроме того, при расследовании уклонения от уплаты налогов организацией необходимо устанавливать лицо, ответственное за ведение бухгалтерского и налогового учёта, а также характер и степень его фактического участия в совершённом деянии.

Следственные ситуации являются неотъемлемым элементом частной методики расследования. Они представляют собой внешнюю картину, складывающуюся из того, что следователь уже знает, и непосредственно влияют на принятие решений о дальнейшем расследовании. Следственная ситуация одновременно выступает результатом расследования и новым этапом, определяющим дальнейшую организацию работы.

Следственная ситуация – это «состояние расследования преступления на определённом его этапе, обусловленное уровнем информированности следователя об обстоятельствах, подлежащих установлению по уголовному делу, и дающее ему основания для принятия обоснованных решений о направлениях дальнейшей следственной работы» [4, с. 378]. Следственные ситуации выполняют несколько важных функций: задают общее направление расследования, определяют состав и последовательность следственных действий и оперативно-розыскных мероприятий, определяют круг типичных для данной ситуации версий.

Типичные следственные ситуации служат для следователя готовыми стратегическими шаблонами, позволяющими быстро оценить обстановку и выбрать наиболее эффективную последовательность действий, избегая хаотичных и бесперспективных решений. К числу типовых следственных ситуаций относят:

1. Ситуацию, при которой известны и характер события, и личность преступника;
2. Ситуацию, при которой известен характер события, но данные о личности преступника отсутствуют;

3. Ситуацию, при которой преступник известен, однако характер события неясен либо сведения о нём неполны.

Криминалистическая методика формулирует типичные следственные ситуации применительно к каждому виду или разновидности преступления. В отношении налоговых преступлений возникает ряд проблем, обусловленных их латентностью и многообразием способов совершения. Кроме того, налоговые преступления нередко сочетаются с иными экономическими преступлениями (легализация денежных средств, фиктивное или преднамеренное банкротство).

Особенность налоговых преступлений проявляется также в том, что их выявление возможно лишь посредством ревизий, проверок и иных контрольных мероприятий. Поэтому типичные следственные ситуации, возникающие при расследовании данных преступлений, могут классифицироваться в зависимости от источника информации:

- ситуации, когда информация получена от налоговых или иных контрольных органов;
- ситуации, когда информация получена посредством оперативно-розыскных мероприятий.

Кроме того, типичные следственные ситуации различаются по содержанию информации:

- ситуации, когда достоверно установлена личность лица, совершившего налоговое преступление;
- ситуации, когда личность такого лица достоверно не установлена (имеются лишь признаки преступления и обстоятельства, свидетельствующие о возможной причастности того или иного лица).

Анализ типичных ситуаций, складывающихся на тот или иной момент расследования, позволяет сформулировать и выдвинуть типичные версии, построить оптимальный план расследования, определить комплекс следственных и иных мероприятий, направленных на эффективное достижение целей и задач. Типовая следственная ситуация задаёт определённый набор типовых следственных версий, которые необходимо проверить в первую очередь на соответствующем этапе.

Под типичными следственными версиями понимают логически обоснованное, предположительное умозаключение следователя или иного субъекта уголовно-процессуальной деятельности, направленное на достижение истины по уголовному делу и требующее проверки. Версии являются прямым инструментом установления обстоятельств, подлежащих доказыванию. Их выдвижение и проверка позволяют выбрать приёмы и методы расследования, а также определить пути нейтрализации противодействия расследованию.

Расследование преступления представляет собой многоэтапный и сложный процесс, включающий анализ исходной следственной ситуации, установление обстоятельств, подлежащих доказыванию, выдвижение и проверку следственных версий. Каждый из названных элементов имеет важное значение: обстоятельства, подлежащие установлению, формируют предмет и цель доказывания; типовые следственные ситуации диагностируют текущее состояние до-

стижения этой цели и определяют тактический путь; типовые следственные версии выступают конкретным инструментарием для движения по этому пути, способствуя установлению истины через систему выдвигаемых и проверяемых предположений.

Список литературы

1. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ (с посл. изм. и доп. от 31 июля 2025 г. № 282-ФЗ) // Официальный интернет-портал правовой информации. <http://www.pravo.gov.ru/>
2. Егоров Н.Н., Ищенко Е.П. Криминалистическая методика: учебник для вузов. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Издательство Юрайт, 2025. 136 с.
3. Щербич Л.А. Обстоятельства, подлежащие установлению, как один из элементов криминалистической характеристики преступлений, посягающих на конституционные права и свободы человека и гражданина // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2007. № 2(34). С. 92-95.
4. Эксархопуло А.А., Макаренко И.А., Зайнуллин Р.И. Криминалистика: учебник для вузов. М.: Издательство Юрайт, 2025. 477 с.

© Карапетян К. С., 2026

УДК 343

Мустаев Тимур Ильдарович

аспирант кафедры криминалистики

Института права Уфимского университета науки и технологий,

кандидат юридических наук,

г. Уфа, Россия

СЛОЖНОСТИ ПРОВЕДЕНИЯ СУДЕБНО-ПСИХИАТРИЧЕСКИХ И СУДЕБНО-МЕДИЦИНСКИХ ЭКСПЕРТИЗ В ОТНОШЕНИИ ИНОСТРАННЫХ ГРАЖДАН БЕЗ УЧАСТИЯ ПЕРЕВОДЧИКА

Аннотация. В статье анализируются правовые и практические проблемы проведения судебно-психиатрических и судебно-медицинских экспертиз в отношении иностранных граждан, не владеющих русским языком, при отсутствии переводчика. Показано, что при общем конституционном и уголовно-процессуальном гарантировании права на пользование родным языком и бесплатного перевода (ст. 18, ст. 47, ст. 59 УПК РФ) участие переводчика на стадии экспертного исследования прямо не регламентировано, что создаёт процессуальный пробел. Обосновывается, что отсутствие адекватного языкового по-

средничества приводит к искажению анамнеза, невозможности проведения полноценного интервью, некорректному применению тестовых методик и, как следствие, к снижению достоверности выводов эксперта и риску признания заключения недопустимым доказательством. Обосновывается необходимость закрепления обязательного привлечения переводчика при назначении судебно-психиатрической и комплексной медико-психологической экспертизы иностранцам.

Ключевые слова: уголовное судопроизводство, иностранные граждане, переводчик, судебно-психиатрическая экспертиза, судебно-медицинская экспертиза, языковой барьер, процессуальные гарантии, недопустимость доказательств, культурные особенности, совершенствование законодательства.

В современных условиях заметно выросло число преступлений, совершаемых иностранными гражданами, что ставит перед правоохранительной системой новые задачи [1, с. 117]. Это обстоятельство указывает на необходимость адаптировать практику расследования к специфике дел с участием мигрантов. Одним из критических аспектов является языковой барьер [1, с. 117]. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации (далее – УПК РФ) гарантирует обвиняемому право давать показания на родном языке и бесплатно пользоваться услугами переводчика, причем все процессуальные документы должны переводиться на понятный ему язык [2]. Данное требование подтверждено и в разъяснениях Верховного Суда РФ, согласно которым при недостаточном владении русским языком суд обязан обеспечить перевод [3]. Однако на практике реализация этого права сталкивается с серьезными затруднениями, особенно на этапе производства судебных экспертиз, где законодательные пробелы создают особые сложности.

Внимания заслуживает ситуация, когда в отношении иностранного гражданина назначаются судебно-психиатрическая либо судебно-медицинская экспертизы, а переводчик при этом не участвует. Такая ситуация возможна ввиду того, что закон прямо не обязывает обеспечивать присутствие переводчика при проведении экспертизы. Если мигрант не владеет русским языком или имитирует непонимание, коммуникация между экспертом и подэкспертным затруднена. В результате возникает вопрос: как провести квалифицированную экспертизу вменяемости или иного медицинского состояния лица, не понимающего язык экспертов?

Проблемы правового регулирования и практики обеспечения перевода при судебных экспертизах.

Принцип обеспечения языка судопроизводства и права на переводчика закреплён в уголовно-процессуальном законодательстве РФ. В соответствии со ст. 18 УПК РФ и п. 12 ч.4 ст. 47 УПК РФ, подозреваемый и обвиняемый вправе давать объяснения и показания на родном языке или языке, которым владеют, и пользоваться помощью переводчика бесплатно [2]. Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда РФ в Определении от 18 декабря 2014 г. № 18-АПУ14-58 указала, что если лицо не владеет или недостаточно владеет рус-

ским языком, подлежащие вручению процессуальные документы должны быть переведены на понятный ему язык, а непредоставление перевода нарушает его право на защиту [3]. Переводчик является самостоятельным участником процесса со своими процессуальными правами (например, он может задавать вопросы для уточнения перевода и делать замечания к протоколу) [2]. Казалось бы, это право должно распространяться на все стадии уголовного судопроизводства, где коммуникация с фигурантом имеет значение для обеспечения его защиты. Однако регламентация участия переводчика при проведении судебных экспертиз в УПК РФ явно не прописана [4, с. 37]. Согласно ст. 59 УПК РФ, переводчик привлекается в случаях, предусмотренных Кодексом, но порядок участия переводчика именно при производстве судебной экспертизы закон не детализирует [5].

В отличие от судебного заседания или следственных действий (допрос, очная ставка и др.), где участие переводчика прямо предусмотрено, экспертиза традиционно рассматривалась как процессуальное действие, проводимое экспертами без непосредственного участия сторон. УПК РФ не содержит норм, предоставляющих подэкспертному или его защитнику автоматическое право присутствовать при экспертизе. Более того, законодательством не урегулирована процедура получения разрешения на присутствие при проведении экспертизы – ни для защитника, ни тем более для переводчика. Фактически возможность присутствия посторонних лиц (включая переводчика) при экспертизе ставится в зависимость от усмотрения органа или лица, назначившего экспертизу, и согласия самого подэкспертного либо его законного представителя. На практике же ни следственные органы, ни эксперты зачастую не иницируют привлечение переводчика на данном этапе, полагаясь на собственные средства коммуникации или ожидая, что подэкспертный должен понимать вопросы хотя бы в минимальной степени [1, с. 119]. Суды г. Москвы указывали, что подобное непредоставление переводчика уже на стадии предварительного следствия делает дальнейшее рассмотрение невозможным и влечёт возвращение уголовного дела прокурору [6]. Отсюда вытекает серьезный пробел в правовом регулировании, ставящий под угрозу как права иностранца, так и качество экспертного заключения.

Следует отметить, что данная проблема не получила должного отражения в отечественной нормотворческой деятельности последних лет. Несмотря на рост числа дел с участием мигрантов, специальных поправок в УПК РФ или Федеральный закон от 31 мая 2001 г. № 73-ФЗ «О государственной судебно-экспертной деятельности в РФ» [7], обязывающих обеспечение переводчика именно при производстве судебно-психиатрических или медицинских экспертиз, не внесено. В результате сохраняется ситуация, при которой экспертиза лица, не владеющего языком, проводится де-факто без переводчика, поскольку прямого указания на его привлечение нет. Это противоречие между общим правом на переводчика и отсутствием механизма его реализации на стадии экспертизы создает предпосылки для нарушения прав иностранного обвиняемого на защиту и справедливое судебное разбирательство.

Отсутствие переводчика при проведении судебно-психиатрической или судебно-медицинской экспертизы иностранного гражданина порождает коммуникативные и культурные барьеры, затрудняющие объективное исследование. Психиатрическая экспертиза для установления вменяемости, например, предполагает подробное психопатологическое обследование: экспертам необходимо собрать анамнез, задать подэкспертному множество вопросов о его ощущениях, переживаниях, проверить его понимание ситуации, оценить мышление, эмоциональное состояние и пр. Без общего языка это практически невыполнимо. Эксперты отмечают, что, если преступник-мигрант вообще не говорит на языке эксперта, он не понимает вопросы, что затрудняет процедуру экспертизы и постановку правильного диагноза [8, с. 162]. В таких условиях эксперт вынужден действовать почти вслепую – опираться на наблюдения за поведением, мимику, жесты, результаты тестов (если они применимы без языкового контакта). Однако этого недостаточно для всесторонней оценки психического состояния.

Даже при попытке привлечь переводчика неофициально проблемы полностью не решаются. Переводчик, не обладающий специальными познаниями в психиатрии или психологии, не в состоянии точно и полно передать содержание вопросов эксперта и ответов подэкспертного на научном уровне. Как справедливо указывает Ю.Б. Плавинская, переводчик без психологической подготовки не может отразить всех нюансов сложных терминов и понятий психики, особенно если в языке перевода отсутствуют прямые эквиваленты этим понятиям [8, с. 161]. Например, описания тонких эмоционально-волевых расстройств или когнитивных нарушений могут быть искажены при переводе, что ведет к неправильно понятому ответу или вопросу. В итоге экспертное заключение рискует быть ненадежным. Исследования показывают, что применение стандартных психологических тестов, адаптированных на европейцев, может давать недостоверные результаты в отношении выходцев из иных культур – в частности, из стран Азии и Африки – из-за языковых и культурных расхождений [8, с. 162]. Без квалифицированного перевода и учета этнопсихологических особенностей существует опасность ошибочно диагностировать у мигранта психическое расстройство или, напротив, не распознать патологию.

Судебно-медицинская экспертиза, хотя в большей степени опирается на объективные медицинские показатели (например, телесные повреждения, анализы, освидетельствования), также нередко требует пояснений от обследуемого. Например, при экспертизе для установления степени тяжести вреда здоровью потерпевшего-иностранца врач может задавать вопросы о ощущениях боли, функциональных ограничениях, анамнезе травмы. Если потерпевший или подозреваемый не понимает вопросов, результаты осмотра могут быть неполными. Особенно критично это при комплексных психолого-психиатрических экспертизах, когда требуется оценить способность лица осознавать характер своих действий. В ряде случаев взаимопонимание между экспертом и иностранцем вообще невозможно, что делает экспертное заключение крайне неопределенным [8, с. 164].

Таким образом, отсутствие переводчика на экспертной комиссии порождает двойной риск. С одной стороны, страдает качество расследования: следствие не получает достоверных сведений о психическом состоянии или здоровье иностранца, что затрудняет принятие правильного процессуального решения (например, о вменяемости и привлечении к ответственности либо о применении принудительных мер медицинского характера). С другой стороны, нарушаются права самого подэкспертного: он фактически лишен возможности излагать свою позицию, сообщать существенные сведения, защищать свои интересы в той части, которая связана с экспертизой. Как отмечают правозащитники, без переводчика участник процесса, не владеющий языком, по факту просто беспомощен [9]. Это утверждение справедливо не только для судебного заседания, но и для экспертного исследования, являющегося частью процесса формирования доказательств. Если мигрант не понимает, какие ему задают вопросы врачи-эксперты, он лишён возможности полноценно участвовать в этом ключевом этапе дела, что противоречит принципам справедливости. Полученное заключение экспертов в подобных условиях может быть оспорено как ненадлежащее доказательство, поскольку было добыто с нарушением гарантий прав обвиняемого. Аналогичный подход выражен в апелляционном определении Верховного Суда РФ от 17.08.2016 № 73-АПУ16-14, где отсутствие переводчика при получении и подписании показаний у лица, не владеющего русским языком, признано нарушающим право на защиту и повлекло отмену судебного решения [10]. Действительно, ст. 75 УПК РФ гласит, что доказательства, полученные с нарушением закона, являются недопустимыми. В судебной практике уже высказывалась позиция, что рассмотрение вопросов, влияющих на права осужденного, в отсутствие переводчика нарушает право на судебную защиту и принцип равенства сторон [11]. Аналогичный вывод содержится и в ряде определений Мосгорсуда по жалобам на возвращение уголовных дел, где суд прямо связывает отсутствие переводчика с недопустимостью полученных доказательств и необходимостью возврата материала [12]. По аналогии, заключение эксперта, полученное при отсутствии требуемого перевода, может быть поставлено под сомнение как не обеспечивающее право обвиняемого на защиту.

Следователи отмечают распространенную тактику: многие задержанные иностранцы сразу заявляют, что не знают русского языка и требуют переводчика. Нередко это происходит даже в случаях, когда у мигранта имеется сертификат о знании русского языка (предоставляемый, например, при получении разрешения на работу). По словам члена Совета при Президенте РФ по правам человека Кирилла Кабанова, приезжая в Россию, мигранты оформляют необходимые документы, подтверждающие владение языком, но оказавшись под следствием, тут же «забывают русский» [13]. Такая ситуация ставит органы расследования в затруднительное положение: с одной стороны, обязанность предоставить переводчика очевидна (и ее невыполнение повлечет отмену многих процессуальных решений), с другой – обеспечение перевода требует времени, средств и зачастую сопряжено с нехваткой квалифицированных переводчиков редких языков [9].

Что касается непосредственно судебно-психиатрических экспертиз, в открытых источниках нечасто публикуются подробности конкретных случаев их проведения у иностранцев. Тем не менее, косвенно проблема проявляется в общем тренде. Так, исследователями отмечено, что в Германии при росте числа мигрантов-преступников местные специалисты столкнулись с необходимостью разработки новой процедуры экспертного исследования личности мигранта [8, с. 164]. Среди основных трудностей названы языковой барьер и связанные с ним коммуникативные проблемы. Зарубежный опыт показывает, что участие переводчика не всегда спасает ситуацию: для успешного взаимодействия эксперта и подэкспертного нужен переводчик, разбирающийся в психологической терминологии, иначе точность перевода страдает [8, с. 164]. Можно предположить, что и в российской практике имели место случаи, когда заключение экспертов признавалось несостоятельным из-за того, что подэкспертный не мог понять вопросы. К сожалению, данные о таких прецедентах чаще остаются в ведомственной статистике. Однако есть примеры более явных нарушений.

В одном из дел суд апелляционной инстанции установил, что представление о переводе осужденного на тюремный режим было рассмотрено в отсутствие переводчика (официальный переводчик заболел), несмотря на неоднократные ходатайства осужденного и защиты [11]. Сходный подход отражён и в определениях Верховного Суда РФ по вопросам изменения вида исправительного учреждения, где подчёркивается необходимость обеспечения участия осуждённого, в том числе при помощи переводчика [14]. Апелляция отменила принятое решение, прямо указав, что рассмотрение вопроса без участия переводчика лишило осужденного возможности понимать происходящее, давать объяснения на родном языке и получать достоверную информацию из документов, что нарушило его права и фундаментальные принципы состязательности [11]. Практика районных судов по делам об изменении режима содержания иностранных осуждённых также исходит из необходимости обеспечить им реальную возможность высказаться, в том числе через переводчика [15]. Более того, защитники все чаще обращают внимание судов на подобные нарушения. В адвокатском сообществе отмечается, что непредоставление переводчика является грубым нарушением права на защиту, недопустимым даже под предлогом процессуальной экономии времени [9].

С другой стороны, высказываются и жесткие позиции: некоторые официальные лица полагают, что при определенных обстоятельствах переводчика можно не предоставлять. Например, вышеупомянутый К. Кабанов предложил законодательно отказывать в переводчике тем иностранным обвиняемым, у которых есть официальный сертификат о знании русского языка [13]. Логика тут такова: раз человек подтвердил владение языком, значит он «все понимает» и должен сам читать материалы дела, общаться со следствием и судом. Однако такое радикальное предложение уже вызвало споры. Правозащитники указывают, что формальное наличие сертификата не гарантирует реального понимания юридического языка, а отказ в переводчике может обернуться нарушением

прав и последующей отменой приговора. К тому же, если следовать этой логике, на этапе экспертизы мигранту с сертификатом тоже не положен переводчик – а значит, риск диагностической ошибки многократно возрастает.

Таким образом, проблема проведения судебно-психиатрических и судебно-медицинских экспертиз в отношении мигрантов носит комплексный характер. Для разрешения данной проблемы считаем необходимым реализацию комплекса мер. В частности, прямое указание на обязательность переводчика при экспертизе, а также организационно-методические рекомендации и подготовку кадров. Немаловажно изменение отношения правоприменителей – осознание, что переводчик нужен не для галочки, а для реального обеспечения справедливости.

Список литературы

1. Ларионов И.А. Особенности участия переводчика в расследовании преступлений в сфере организации незаконной миграции // Известия Тульского гос. университета. Экономические и юридические науки. 2016. № 2-2. С. 117–123.
2. Тимофеева Л. Трудности перевода. Как в России проходят суды, если человек не понимает русский язык? // Интернет-портал «Такие дела» [Электронный ресурс]. 26.02.2021. – URL: <https://takiedela.ru/> (дата обращения: 18.03.2026).
3. Определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 18 декабря 2014 г. № 18-АПУ14-58 // Официальный сайт Верховного Суда Российской Федерации [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.vsrfr.ru/files/14942/> (дата обращения: 18.03.2026).
4. Шевелёв И.А. Язык судопроизводства и участие переводчика в уголовном процессе России: дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 2008. 189 с.
5. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ (с посл. изм. и доп. от 31 июля 2025 г. № 282-ФЗ) // Официальный интернет-портал правовой информации [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.pravo.gov.ru/> (дата обращения: 30.10.2025).
6. Апелляционное постановление Московского городского суда от 23 мая 2019 г. по делу № 10-9110/2019 // СПС «ГАРАНТ» [Электронный ресурс]. URL: <https://base.garant.ru/308466010/> (дата обращения: 19.03.2026).
7. Федеральный закон от 31 мая 2001 г. № 73-ФЗ «О государственной судебно-экспертной деятельности в РФ» (с посл. изм. и доп. от 22 июля 2024 г. № 191-ФЗ) // Официальный интернет-портал правовой информации [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.pravo.gov.ru/> (дата обращения: 30.10.2025).
8. Плавинская Ю.Б. Проблемные вопросы проведения судебно-психологической экспертизы личности обвиняемых-мигрантов в Германии // Мир педагогики и психологии. 2018. № 11(28). С. 158 – 166.
9. Тимофеева Л. Трудности перевода. Как в России проходят суды, если человек не понимает русский язык? // Интернет-портал «Такие дела»

[Электронный ресурс]. 26.02.2021. URL: <https://takiedela.ru/> (дата обращения: 20.03.2026).

10. Апелляционное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 17 августа 2016 г. № 73-АПУ16-14 // Адвокатская палата Астраханской области: официальный сайт [Электронный ресурс]. URL: <http://advokatastr.ru/uploads/2016/01/Кипн...> (дата обращения: 20.03.2026).

11. Григорьев В. Непредоставление переводчика как нарушение права на защиту // Адвокатская газета [Электронный ресурс]. 22.09.2022. URL: <https://www.advgazeta.ru/> (дата обращения: 20.03.2026).

12. Постановление Тверского районного суда г. Москвы от 14 марта 2016 г. по делу № 1-105/2016 (уголовное дело № 1-02/2007) // Официальный портал судов общей юрисдикции города Москвы [Электронный ресурс]. URL: <https://mos-gorsud.ru/cases/docs/content> (дата обращения: 20.03.2026).

13. Артемов М. Россия должна полностью перейти на контролируемый набор мигрантов // Парламентская газета [Электронный ресурс]. URL: <https://www.pnp.ru/social/kirill-kabanov-rossiya-dolzhna-polnostyu-pereyti-na-kontroliruemyu-nabor-migrantov.html> (дата обращения: 20.03.2026).

14. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 29 мая 2014 г. № 9 «О практике назначения и изменения судами видов исправительных учреждений» (в ред. от 26.11.2024) // СПС «ГАРАНТ» [Электронный ресурс]. URL: <https://base.garant.ru/70666010/> (дата обращения: 20.03.2026).

15. Материал № 4/15-39/2023 по вопросу об изменении вида исправительного учреждения (п. 3 ст. 397 УПК РФ) // Официальный сайт Тавдинского районного суда Свердловской области [Электронный ресурс]. URL: https://tavdinsky--svd.sudrf.ru/modules.php?case_id=345596466&case_uid=51e6314b-5b38-4440-b989-ac9e5157c8b2&delo_id=1610001&name=sud_delo&name_op=case&srv_num=1 (дата обращения: 20.03.2026).

© Мустаев Т. И., 2026

Полещук Максим Сергеевич

аспирант кафедры криминалистики

Института права Уфимского университета науки и технологий,
г. Уфа, Россия

НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ ФИКСАЦИИ ХОДА И РЕЗУЛЬТАТОВ ПРЕДЪЯВЛЕНИЯ ДЛЯ ОПОЗНАНИЯ С УЧАСТИЕМ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНЕГО

Аннотация. В настоящей статье на основе анализа протоколов предъявления для опознания с участием несовершеннолетнего и результатов ранее проведенных научных исследований выявлены основные проблемы, возникающие при фиксации хода и результатов данного следственного действия. В результате исследования предложены основные правила фиксации хода и результатов предъявления для опознания с участием несовершеннолетнего.

Ключевые слова: криминалистическая тактика, предъявление для опознания, фиксация, несовершеннолетний, следственное действие.

Как известно основным средством фиксации хода и результатов следственных действий, в том числе предъявления для опознания, является протоколирование.

Проведенный нами анализ материалов уголовных дел, в ходе которых производилось предъявление для опознания с участием несовершеннолетних, свидетельствует о наличии ряда недостатков в оформлении протоколов следственного действия. В рамках настоящего исследования выделим некоторые из них.

1. Отсутствие информации об условиях производства предъявления для опознания. Целесообразность ее включения в протокол продиктована необходимостью дальнейшей оценки результатов следственного действия. Данная информация позволяет подтвердить или опровергнуть возможность узнавания предъявленного объекта.

2. Отсутствие информации о признаках всех предъявленных для опознания объектов, в том числе альтернативных. Зачастую протоколы содержат лишь признаки опознанного объекта, что также затрудняет дальнейшую оценку произведенного опознания, поскольку не позволяют выделить общие для всех предъявленных объектов признаки и частные – для отождествленного объекта.

3. Отсутствие сведений о характере и последовательности действий лиц в ходе предъявления для опознания. Учитывая то обстоятельство, что протокол фиксирует не только факт производства какого-либо действия, но и содержит доказательственную информацию, которая должна быть объективной и проверяемой, требуется закрепление всего происходящего в процессе следственного действия в хронологической последовательности.

Производство предъявления для опознания с участием несовершеннолетнего предполагает обращение особого внимания на исключение различного рода воздействий на опознающего, способных склонить его к выбору определенного объекта. В связи с этим требуется фиксировать все реплики участников следственного действия, в том числе законного представителя и педагога (психолога).

4. Использование в протоколе несвойственных несовершеннолетнему описаний объекта и сокращение сообщенной им информации. Повышение объективности хода и результатов предъявления для опознания с участием несовершеннолетнего и исключение проблем, связанных с дальнейшим признанием доказательства недостоверным, требует от следователя дословной фиксации сообщенной несовершеннолетним информации. В исключительных случаях допускается изменять формулировки, сохраняя при этом исходный смысл. Такой подход обусловлен возрастной спецификой передачи информации детьми и помогает объективно оценить результаты опознания. Например, достоверность показаний несовершеннолетнего может быть поставлена под сомнение, если он описывает объект словами, не типичными для его возрастной группы. Помимо этого, при производстве опознания с участием малолетних следует принимать во внимание, что дети нередко вкладывают в используемые ими слова и выражения смысл, отличающийся от того, который придают им взрослые [1, с. 277].

В.Ю. Стельмах полагает, что описывая в протоколе один и тот же предмет, следователь должен одинаково именовать его на протяжении всего следственного действия [2, с. 154]. Необходимо подчеркнуть, что специфика предъявления для опознания иногда препятствует следованию данной рекомендации. Как уже упоминалось, информация, полученная от несовершеннолетнего, фиксируется в протоколе дословно. В ситуациях, когда лицо в ходе следственного действия называет один и тот же объект по-разному, необходимо задать уточняющие вопросы, чтобы выяснить причины такой несогласованности.

С точки зрения Е.Ю. Самолаевой, не рекомендуется оказывать на опознающего влияния для дачи им более определенного ответа [3, с. 147]. Мы полагаем, что данное утверждение автора верно лишь отчасти. Производство предъявления для опознания с участием несовершеннолетнего в большинстве случаев требует от следователя постановки уточняющих вопросов в силу фрагментарности информации, сообщаемой ребенком и затруднительности заострения внимания на отдельных характеристиках предъявленных объектов.

Д.А. Бурыка относит к требованиям фиксации сведений об обстоятельствах, при которых наблюдался опознанный объект их краткость и исключение дублирования ранее данных показаний [4, с. 183]. Заметим, что соблюдение данного правила не всегда возможно. В данном случае необходимо придерживаться требования о недопустимости искажения смысла информации, сообщаемой несовершеннолетним. Это обусловлено тем, что объем и характер сведений, сообщаемых несовершеннолетним, не зависят от следователя, тогда как их со-

кращение или переформулирование способно негативно отразиться на результатах следственного действия.

5. Необоснованное использование средств фотофиксации хода и результатов следственного действия. Ввиду динамичного характера криминального события, в рамках расследования которого производится предъявление для опознания и необходимости запечатления как визуальной, так и словесной информации при производстве следственного действия, предпочтительным дополнительным средством фиксации является видеозапись. Таким образом, мы полностью соглашаемся с позицией Р.И. Зайнуллина, считающего, что при производстве следственного действия с участием несовершеннолетнего всегда целесообразно использовать видеозапись [5, с. 159]. Среди преимуществ данного средства фиксации можно выделить: возможность запечатления как статических, так и динамических признаков, удобство при осуществлении опознания, исключающего визуальное наблюдение опознающего опознаваемым (фиксация должна осуществляться в двух помещениях). Кроме того, применение данного технического средства можно рассматривать как дисциплинирующий участников следственного действия фактор и как инструмент для последующего анализа поведения несовершеннолетнего в рамках оценки результатов опознания.

Таким образом, проведенное исследование позволяет кратко сформулировать основные правила фиксации производства предъявления для опознания с участием несовершеннолетнего:

1. Фиксация в протоколе следственного действия сведений об условиях его производства.
2. Фиксация в описательной части протокола подробных сведений об объектах, предъявленных для опознания, в том числе альтернативных.
3. Последовательная фиксация в описательной части протокола всех действий участников предъявления для опознания.
4. Дословная фиксация сведений, сообщенных несовершеннолетним.
5. Применение средств видеофиксации на протяжении всего следственного действия.

Список литературы

1. Родина Е.Ю. Некоторые тактические особенности предъявления для опознания с участием малолетних потерпевших // Криминалистика – наука без границ: традиции и новации: материалы всероссийской научно-практической конференции. Санкт-Петербург, 26 ноября 2021 года / сост.: А.Р. Акиев, А.В. Бачиева. – Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский университет МВД России, 2022. – С. 274-279.
2. Стельмах В.Ю. Современные проблемы фиксации хода и результатов производства следственных действий и возможные пути их решения // Актуальные проблемы российского права. – 2016. – № 7 (68). – С. 152-159.

3. Самолаева Е.Ю. Теория и практика предъявления для опознания людей: дисс. ... канд. юрид. наук. – Москва, 2004. – 205 с.
4. Бурыка Д.А. Правовые, организационные и тактические основы предъявления для опознания: дисс. ... канд. юрид. наук. – Москва, 2005. – 235 с.
5. Зайнуллин Р.И. Некоторые криминалистические проблемы производства проверки показаний на месте с участием несовершеннолетнего // Ученые записки Казанского университета. Серия: гуманитарные науки. – 2025. – № 3. – С. 152-162.

© Полещук М.С., 2026

УДК 343

Халиуллин Тимур Марселевич

магистрант Института права
Уфимского университета науки и технологий,
г. Уфа, Россия

Халиуллина Илена Эдуардовна

магистрантка Института филологического образования
и межкультурных коммуникаций БГПУ им. М. Акмуллы,
г. Уфа, Россия

Научный руководитель:

Халиуллина Айгуль Фаатовна

Доцент кафедры криминалистики Института права
Уфимского университета науки и технологий,
доктор юридических наук, доцент
г. Уфа, Россия

ЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ ЭКСПЕРТИЗА В ДЕЛАХ ОБ ЭКСТРЕМИЗМЕ И ТЕРРОРИЗМЕ: СОВРЕМЕННЫЕ ПОДХОДЫ И ПРАВОВОЕ РЕГУЛИ- РОВАНИЕ В РОССИИ

Аннотация. Статья посвящена анализу роли и методологии лингвистической экспертизы в судебных делах, связанных с экстремизмом и терроризмом в Российской Федерации. Рассматриваются правовые основы, регулирующие проведение таких экспертиз, их значение в судопроизводстве, а также изменения в законодательстве, ограничивающие проведение лингвистических экспертиз государственными учреждениями. Особое внимание уделяется методологическим аспектам экспертизы, типологии "экстремистских" значений и пробле-

мам формулировки вопросов экспертам. Статья также затрагивает вопросы междисциплинарного подхода и перспективы развития лингвистических экспертиз в контексте противодействия экстремизму.

Ключевые слова: лингвистическая экспертиза, экстремизм, терроризм, методология анализа, экстремистский дискурс, коммуникативные материалы, информационная безопасность, противодействие экстремизму, междисциплинарный подход.

В условиях современной информационной эры наблюдается тенденция к увеличению числа уголовных дел, связанных с экстремистской деятельностью, особенно в цифровом пространстве. Этот феномен обусловлен процессами информационной глобализации и стремительным развитием технологий.

Лингвистическая экспертиза выступает ключевым инструментом в процессе расследования и судебного разбирательства дел, связанных с экстремизмом, её значимость определяется способностью идентифицировать признаки экстремистской деятельности в различных формах коммуникации, включая тексты, публичные высказывания и медиаконтент [1].

Несмотря на распространённое мнение о второстепенности лингвистических знаний, их роль в правовой практике трудно переоценить. Лингвистическая экспертиза не только способствует выявлению речевых преступлений и интерпретации текстов, но и играет важную роль в установлении авторства материалов экстремистского характера.

В рамках уголовного судопроизводства по делам, связанным с противодействием экстремизму и терроризму, судебная экспертиза материалов коммуникативного характера назначается при необходимости установления фактов, касающихся содержания или направленности исследуемых текстов. Данная процедура приобретает особую значимость в контексте выявления и анализа лингвистических особенностей, потенциально указывающих на наличие признаков экстремистской или террористической пропаганды.

Экспертиза фокусируется на лексических, семантических и прагматических аспектах текстов, что позволяет ответить на ключевые вопросы следствия и суда: присутствуют ли в материалах элементы призывов к насилию, вражде, разжиганию ненависти, и какие коммуникативные интенции преследовали авторы.

Важно отметить, что данная практика соотносится с конституционными нормами Российской Федерации. Часть 2 статьи 29 Конституции РФ запрещает пропаганду или агитацию, возбуждающие социальную, расовую, национальную или религиозную ненависть или вражду, а также пропаганду социального, расового, национального, религиозного или языкового превосходства [2].

Лингвистическая экспертиза в контексте судопроизводства по делам, связанным с противодействием экстремизму и терроризму, регулируется комплексом нормативно-правовых актов и специализированных методических рекомендаций. Её назначение обусловлено необходимостью объективной оценки содержания и направленности исследуемых текстов или высказываний.

Данный вид экспертизы применяется в различных категориях дел:

1. Уголовные дела по статьям 280 и 282 УК РФ, касающиеся публичных призывов к экстремистской деятельности и возбуждения ненависти или вражды [3].
2. Гражданские дела в рамках ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности» от 25.07.2002 № 114-ФЗ [4].
3. Дела об административных правонарушениях, например, по статье 20.3 КоАП РФ, связанные с демонстрацией запрещённой символики [5].

Анализ содержания правовых норм, регулирующих назначение и проведение лингвистической экспертизы в делах об экстремизме, позволяет выделить ключевые понятия, которые определяют необходимость применения специальных знаний в судебной практике. Прежде всего, в рамках Федерального закона «О противодействии экстремистской деятельности» и Уголовного кодекса РФ фигурируют следующие правовые категории:

Экстремистская деятельность (экстремизм) — в законодательстве описывается через перечень противоправных деяний, направленных на подрыв основ государственного строя и разжигание социальной, расовой, национальной или религиозной вражды.

Экстремистские материалы — в соответствии с ч. 3 ст. 1 Федерального закона № 114-ФЗ под ними понимаются документы или информация, предназначенные для обнародования и содержащие призывы к осуществлению экстремистской деятельности, либо обосновывающие или оправдывающие её необходимость. Примером таких материалов могут служить труды идеологов нацизма или публикации, пропагандирующие расовое или национальное превосходство [4].

Преступления экстремистской направленности — согласно примечанию 2 к ст. 282.1 УК РФ, преступления данной категории совершаются по мотивам политической, идеологической, расовой, национальной или религиозной ненависти либо вражды, а также ненависти по отношению к конкретной социальной группе [3].

Терроризм — идеология насилия и практика его применения с целью воздействия на принятие решений органами власти или устрашения населения (п. 1 ст. 3 Федерального закона «О противодействии терроризму» от 6 марта 2006 года № 35-ФЗ) [6].

Террористическая деятельность — совокупность деяний, направленных на осуществление актов насилия или угрозы его применения с целью изменения политического или социального строя, также описывается через перечень действий в п. 2 ст. 3 Федерального закона «О противодействии терроризму» [6].

В рамках российского правового поля сформирована комплексная система регулирования речевой деятельности, направленная на противодействие экстремизму, терроризму и иным формам социальной дестабилизации. Данная система представляет собой многоуровневую структуру, включающую ряд федеральных законов и положений Уголовного кодекса, которые в совокупности образуют целостный правовой механизм.

Центральное место в этой системе занимает Федеральный закон «О противодействии экстремистской деятельности». Он детерминирует спектр запрещённых речевых актов, среди которых:

1. Публичное оправдание терроризма;
2. Инспирирование социальной, расовой, национальной или религиозной розни;
3. Пропаганда идей превосходства или неполноценности на основе социальных, расовых, национальных, религиозных или лингвистических признаков;
4. Публичная демонстрация нацистской атрибутики или символики, сходной с ней;
5. Призывы к насильственному изменению конституционного строя.

Федеральный закон «О противодействии терроризму» дополняет вышеуказанные положения, акцентируя внимание на специфических аспектах террористической деятельности. Он выделяет такие категории запрещённых высказываний, как подстрекательство к террористическому акту, пропаганда идей терроризма и распространение материалов, оправдывающих террористическую деятельность.

Уголовный кодекс Российской Федерации конкретизирует ответственность за вышеуказанные деяния и вводит дополнительные составы преступлений. Статья 280 предусматривает санкции за публичные призывы к экстремистской деятельности, статья 205.2 криминализирует публичное оправдание терроризма, статья 148 направлена на защиту религиозных чувств верующих, а статья 282 устанавливает ответственность за возбуждение ненависти или вражды по различным признакам.

Федеральный закон «О свободе совести и о религиозных объединениях» дополняет эту систему, запрещая умышленное оскорбление религиозных чувств граждан и пропаганду религиозного превосходства [7].

В контексте юридической практики, связанной с противодействием экстремизму и терроризму, психолого-лингвистическая экспертиза играет существенную роль в анализе материалов, имеющих потенциальное правовое значение. Предметом данной экспертизы выступают фактические данные, отражающие специфические характеристики текстов и материалов, которые могут иметь юридическую релевантность в рамках уголовных, гражданских, арбитражных дел, а также дел об административных правонарушениях. Эти данные выявляются посредством комплексного исследования объектов экспертизы с применением интегрированного подхода, сочетающего лингвистические и психологические методологии.

Объектом экспертизы в данном контексте является текст, концептуализируемый как результат речевой и коммуникативной деятельности субъекта-автора. При этом понятие «текст» интерпретируется в расширенном смысле, охватывая последовательность знаковых единиц, объединённых смысловой когерентностью, ключевыми характеристиками которой выступают связность и целостность [8].

В рамках данной парадигмы текст рассматривается как осмысленная структура знаков, представляющая собой единицу авторской деятельности и функционирующая в качестве сообщения, обладающего содержанием, целевой направленностью и адресностью. Важно отметить, что эти характеристики могут быть применимы к материалам различных форматов, включая аудио- и видеозаписи (например, документация митингов, шествий, публичных выступлений), видеоролики, материалы блогосферы, плакатную продукцию и иные аналогичные формы коммуникативной активности.

Таким образом, психолого-лингвистическая экспертиза в контексте противодействия экстремизму и терроризму представляет собой комплексный инструмент анализа, направленный на выявление и интерпретацию юридически значимых характеристик широкого спектра коммуникативных продуктов. Этот подход позволяет осуществлять многоаспектный анализ материалов, потенциально содержащих противоправный контент, с учётом лингвистических, психологических и коммуникативных аспектов их создания и функционирования.

Лингвистическая экспертиза приобретает ключевое значение в делах, связанных с экстремизмом и терроризмом. Её уникальная ценность заключается в способности выявлять имплицитные смыслы и интенции в разнообразных коммуникативных материалах, выходя за рамки буквальной интерпретации текста.

Инновационный подход к пониманию текста в расширенном смысле, включающий аудиовизуальные материалы, отражает эволюцию коммуникативных практик в современном медиапространстве. Это позволяет экспертизе охватывать широкий спектр форматов, что особенно актуально в условиях информационного противоборства и пропагандистской деятельности.

Особого внимания заслуживает процесс вербализации динамических материалов, требующий трансформации визуальных и акустических элементов в текстовую форму для последующего анализа. Этот аспект подчёркивает необходимость междисциплинарного подхода, интегрирующего лингвистические и психологические методологии.

Формулировка вопросов для экспертов играет критическую роль в определении предмета экспертизы и непосредственно влияет на эффективность её проведения. Корректно поставленные вопросы обеспечивают решение задач в пределах компетенции экспертов, а полученные ответы приобретают существенное доказательственное значение в судебном процессе.

В доктрине наблюдается тенденция к минимизации использования юридической терминологии в вопросах к эксперту и к проведению комплексного анализа текстов с учётом визуальных компонентов. Такой подход способствует повышению объективности и точности экспертных заключений, что критически важно в делах, связанных с противодействием экстремизму и терроризму [9].

Лингвистическая экспертиза в делах об экстремизме и терроризме оперирует специфической типологией значений, условно именуемых «экстремист-

скими». Данная типология включает ряд категорий, каждая из которых требует особого подхода при формулировке экспертных задач и вопросов.

Пропаганда взглядов исследуется на предмет наличия выражений, формирующих идеи исключительности, превосходства или неполноценности по законодательно определённым признакам. Призывы к действиям анализируются с точки зрения побуждения к экстремистской или террористической активности. Оправдание действий рассматривается в контексте легитимации терроризма, дискриминации или насилия.

Отдельное внимание уделяется обвинению лиц в совершении противоправных действий и унижению достоинства по расовым, национальным, религиозным и иным признакам. Экспертиза также фокусируется на выявлении угроз насилия в отношении конкретных лиц или объектов и признаков возбуждения вражды по различным социальным критериям.

Методологически важным аспектом является формулировка вопросов к экспертам. Они должны отличаться высокой степенью конкретности, избегать юридической терминологии и концентрироваться на установлении специфических лингвистических и психологических признаков исследуемых материалов. Такой подход обеспечивает объективность анализа и соответствие экспертного заключения правовым требованиям.

Исключение из вопросов юридических терминов, таких как «экстремизм», позволяет сфокусировать внимание экспертов на фактических характеристиках текста, избегая преждевременных правовых оценок. Это способствует повышению качества экспертизы и её доказательственной ценности в судебном процессе.

Таким образом, современная методология психолого-лингвистической экспертизы в делах об экстремизме и терроризме представляет собой сложный инструментарий, требующий тщательного подхода к постановке задач и вопросов. Это обеспечивает всесторонний анализ коммуникативных материалов и способствует эффективному противодействию распространению экстремистских идей в информационном пространстве.

Объектами лингвистической экспертизы могут выступать разнообразные формы коммуникативной активности, включая письменные и устные тексты, визуальные материалы, интернет-контент и поликодовые сообщения. При этом следует отметить, что не все жанры коммуникации подлежат экспертной оценке в контексте экстремизма; в частности, приватная корреспонденция, не имеющая публичного характера, исключается из сферы анализа.

Методология проведения экспертизы базируется на комплексном подходе, включающем несколько ключевых этапов анализа:

1. **Предметно-тематический анализ**, направленный на определение тематической направленности и предметной области исследуемого материала.
2. **Оценочно-экспрессивный анализ**, фокусирующийся на выявлении субъективного отношения автора к предмету коммуникации, включая эмоциональные и оценочные компоненты.

3. **Целевой анализ**, ориентированный на установление коммуникативных интенций и прагматической направленности высказываний.

Интегральное рассмотрение этих аспектов позволяет эксперту-лингвисту сформулировать обоснованное заключение о наличии или отсутствии признаков экстремистского дискурса в анализируемом материале.

Особое значение в процессе экспертизы придаётся анализу контекстуальных факторов, включая характеристики целевой аудитории, канал распространения информации, специфику коммуникативной ситуации и социокультурный контекст. Эксперт также оценивает лингвистические параметры текста, такие как стилистические особенности, интертекстуальные связи и прецедентные феномены.

По завершении аналитической фазы эксперт-лингвист проводит сопоставление выявленных характеристик с критериями, представленными в криминалистическом диагностическом комплексе, что позволяет идентифицировать потенциальные признаки экстремистского дискурса.

В случаях, требующих междисциплинарного подхода, экспертиза может быть дополнена психологической, культурологической или политологической оценкой для обеспечения всестороннего анализа материала.

Заключительным этапом экспертизы является составление экспертного заключения, содержащего детальное описание методологии исследования, аналитических процедур и обоснование выводов. Эксперт обязан соблюдать принципы научной объективности, однозначности формулировок и строгого соответствия профессиональной компетенции, избегая юридических квалификаций.

В Российской Федерации произошли значимые изменения в сфере судебной экспертизы по делам, связанным с терроризмом и экстремизмом. Согласно распоряжению Правительства РФ от 22 марта 2023 года № 672-р [10], лингвистические экспертизы по указанным категориям уголовных дел теперь могут проводиться исключительно государственными учреждениями.

Данное нововведение имеет существенное значение для судебной практики, поскольку заключения экспертов-лингвистов зачастую играют ключевую роль в процессе доказывания по делам экстремистской направленности. При этом важно отметить, что в иных категориях дел, не связанных с терроризмом и экстремизмом, негосударственные эксперты сохраняют право на проведение лингвистических исследований.

Расширение полномочий государственных экспертных учреждений, включая правоохранительные органы и специальные службы, направлено на повышение объективности и достоверности экспертных заключений. В случае возникновения разногласий предусмотрена возможность назначения альтернативной экспертизы в другом ведомстве.

Однако следует обратить внимание на отсутствие единой методологической базы для проведения лингвистических экспертиз, что может затруднять объективную оценку материалов на предмет наличия признаков возбуждения ненависти или вражды. В связи с этим актуализируется вопрос разработки унифицированных подходов к анализу текстов экстремистской направленности.

Кроме того, Министерство юстиции РФ планирует развивать направление политологических экспертиз, которые могут быть востребованы при оценке материалов оппозиционного характера и выявлении признаков политического экстремизма. Это свидетельствует о комплексном подходе государства к противодействию экстремистской деятельности и обеспечению национальной безопасности.

Данные изменения в системе судебной экспертизы отражают стремление государства к централизации и унификации экспертной деятельности в сфере противодействия терроризму и экстремизму, что может способствовать повышению эффективности правоприменительной практики в данной области.

Таким образом, лингвистическая экспертиза играет ключевую роль в судебных делах, связанных с экстремизмом и терроризмом в России. Недавние изменения в законодательстве, ограничивающие проведение таких экспертиз негосударственными экспертами, направлены на повышение объективности и достоверности экспертных заключений. Однако отсутствие единой методологической базы остаётся существенной проблемой, требующей решения.

Комплексный подход к анализу коммуникативных материалов, включающий предметно-тематический, оценочно-экспрессивный и целевой анализ, позволяет экспертам-лингвистам формулировать обоснованные заключения. При этом важно учитывать контекстуальные факторы и избегать использования юридической терминологии в вопросах к экспертам.

Развитие политологических экспертиз и междисциплинарного подхода открывает новые перспективы в противодействии экстремистской деятельности. Однако необходимо помнить о балансе между обеспечением национальной безопасности и соблюдением прав граждан на свободу выражения мнений.

В целом, совершенствование методологии и правового регулирования лингвистических экспертиз в делах об экстремизме и терроризме является важным шагом в повышении эффективности правоприменительной практики и противодействии распространению экстремистских идей в информационном пространстве современной России.

Список литературы

1. Курбонмуратов А.А. Категория и авторизация «экстремистского текста» в лингвистической экспертизе // Экономика и социум. 2023. № 3-2 (106). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kategoriya-i-avtorizatsiya-ekstremistskogo-teksta-v-lingvisticheskoy-ekspertize> (дата обращения: 22.05.2026).
2. Конституция РФ. Принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. (с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 1 июля 2020 г.) // Официальный интернет-портал правовой информации [Электронный ресурс]. URL: <http://pravo.gov.ru/> (дата обращения: 17.05.2026).
3. Уголовный кодекс РФ от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ (с посл. изм. и доп. от 9 апреля 2026 г. № 100-ФЗ) // Официальный интернет-портал право-

вой информации [Электронный ресурс]. URL: <http://pravo.gov.ru/> (дата обращения: 17.05.2026).

4. Федеральный закон от 25 июля 2002 г. № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности» (с посл. изм. и доп. от 27 октября 2025 г. № 385-ФЗ) [Электронный ресурс]. URL: <http://pravo.gov.ru/> (дата обращения: 17.05.2026).

5. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30 декабря 2001 г. № 195-ФЗ (с посл. изм. и доп. от 2 мая 2026 г. № 119-ФЗ) [Электронный ресурс]. URL: <http://pravo.gov.ru/> (дата обращения: 17.05.2026).

6. Федеральный закон от 6 марта 2006 г. № 35-ФЗ «О противодействии терроризму» (с посл. изм. и доп. от 28 февраля 2025 г. № 16-ФЗ) [Электронный ресурс]. URL: <http://pravo.gov.ru/> (дата обращения: 17.05.2026).

7. Федеральный закон от 26 сентября 1997 г. № 125-ФЗ «О свободе совести и о религиозных объединениях» (с посл. изм. и доп. от 20 февраля 2026 г. № 30-ФЗ) // Официальный интернет-портал правовой информации [Электронный ресурс]. URL: <http://pravo.gov.ru/> (дата обращения: 17.05.2026).

8. Кукушкина О.В., Сафонова Ю.А., Секераж Т.Н. Методика проведения судебной психолого-лингвистической экспертизы материалов по делам, связанным с противодействием экстремизму и терроризму. М. : ФБУ РФЦСЭ при Минюсте России, 2014. 98 с.

9. Болвачев М.А. Особенности производства лингвистических судебных экспертиз по делам о преступлениях экстремистской направленности в социальных сетях // Криминалистика: вчера, сегодня, завтра. 2022. № 2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-proizvodstva-lingvisticheskikh-sudebnyh-ekspertiz-po-delam-o-prestupleniyah-ekstremistskoy-napravlenosti-v-sotsialnyh> (дата обращения: 22.05.2026).

10. Распоряжение Правительства Российской Федерации от 22 марта 2023 г. № 672-р // Официальный интернет-портал правовой информации [Электронный ресурс]. URL: <http://pravo.gov.ru/> (дата обращения: 17.05.2026).

© Халиуллин Т. М., Халиуллина И. Э., 2026

Харисов Артур Фагимович

аспирант кафедры криминалистики

Института права Уфимского университета науки и технологий,
г. Уфа, Россия

ГЕНЕЗИС МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫХ НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ В СУДЕБНО-ЭКСПЕРТНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Аннотация. В статье показано, что в условиях сложной криминогенной обстановки в целях повышения эффективности борьбы с преступностью необходимо использовать возможности междисциплинарных научных исследований в судебно-экспертной деятельности. Проводится историко-гносеологический анализ становления междисциплинарного подхода в судебно-экспертной деятельности как ответа на вызовы усложнения правовой и технологической реальности. На основе сравнительно-исторического метода выявлены ключевые этапы формирования междисциплинарных связей в экспертной практике в России (с дореволюционного периода по настоящее время) и в зарубежных странах. Показано, что генезис междисциплинарности детерминирован тремя основными факторами: эволюцией уголовного процесса, прогрессом естественных и технических наук и ростом общественных запросов на объективность доказывания. Делается вывод о том, что современная судебно-экспертная деятельность по своей природе является междисциплинарной научно-практической сферой, что требует соответствующей трансформации образовательных и организационных подходов. Рассмотрены возможности интеграции знаний криминалистики, психологии, анатомии человека, морфологии, физиологии и других наук в научно-техническом обеспечении судопроизводства. Особое внимание уделено использованию высоких технологий (искусственному интеллекту, нейронным сетям и др.) при производстве судебных экспертиз.

Ключевые слова: междисциплинарные исследования, судебная экспертиза, ДНК-анализ, судебно-экспертная деятельность, искусственный интеллект, база данных.

Вопросами истории судебной экспертизы занимались известные ученые-криминалисты: Ф.Г. Аминев [1, с. 5-46], С.Ф. Бычкова [2, с. 11-27], А.М. Кустов [3, с. 121-214], Е.Р. Россинская [4, с. 19-45], Д. А. Сорокотягина [5, с. 3-68] и другие. В то же время проблемам генезиса становления междисциплинарных связей в судебной экспертизе; выделения ключевых детерминантов (правовые, научные, социальные) данного процесса; сравнительному анализу в других странах, по нашему мнению, уделяется недостаточно внимания.

Истоки междисциплинарного подхода в судебной экспертизе обнаруживаются уже на ранних этапах её становления. Междисциплинарность зарождалась стихийно, через привлечение узких специалистов (врачей, химиков, аптекарей) для консультаций по уголовным делам. Ключевой предпосылкой стала научная революция, сформировавшая идею о том, что законы природы могут быть использованы для расследования. Яркие примеры: труды М.В. Ломоносова, Д.И. Менделеева (по химии) [6, с. 91] и других ученых использовались для исследования доказательств. Однако это была еще не интеграция, а простое «приложение» знаний другой науки.

С конца XIX в. до начала XXI в. прослеживается процесс зарождения различных родов и видов экспертиз. Важнейшим событием стало издание Гансом Гроссом в 1893 году труда «Руководство для судебных следователей», где он, будучи юристом, систематизировал знания из химии, физики, биологии, психологии для нужд расследования преступлений [7]. Это был один из первых осознанно сформированных междисциплинарных проектов. В этот период использовались знания из различных областей: химии, физики, биологии, медицины, что естественным образом формировало комплексный характер исследований.

Фундаментальной вехой в процессе институционализации судебной экспертизы стала дата 28 июня (11 июля по новому стилю) 1912 года, когда Государственным Советом и Государственной Думой Российской империи был одобрен Закон об учреждении кабинета научно-судебной экспертизы. Этот закон ознаменовал создание первого в России специализированного судебно-экспертного учреждения, положившего начало становлению системы государственных судебно-экспертных организаций.

В 1970-е годы начался качественно новый этап научного осмысления накопленного опыта. В этот период А.И. Винберг и Н.Т. Малаховская выступили с предложением о формировании судебной экспертологии как науки о законах и методологии формирования и развития судебных экспертиз. Их концепция, изложенная, в частности, в учебном пособии «Судебная экспертология (Общетеоретические и методологическая проблема судебных экспертиз)» [8], ввела ключевое положение о «предметных судебных науках» – подсистемах, сформированных в результате трансформации данных фундаментальных наук исходя из потребностей судопроизводства. Таким образом, именно в трудах Винберга и Малаховской был заложен теоретический фундамент для понимания судебной экспертизы как междисциплинарной области.

Важнейшей стадией теоретического развития междисциплинарных экспертных исследований стало формирование в 80-е – 90-е годы прошлого века теории судебных экспертиз как полноценной междисциплинарной теории. Теоретические основы интеграции и междисциплинарных исследований в судебно-экспертной деятельности заложили Т.В. Аверьянова [9] и И.А. Алиев [10].

Возрастание роли специальных знаний в судопроизводстве и развитие практики обусловили создание на её базе самостоятельной науки – судебной экспертологии. Это событие стало логическим завершением длительного про-

цесса эволюции от разрозненных исследований к целостной интеграционной научной системе.

Сегодня междисциплинарность является не просто характеристикой, а системообразующим принципом судебно-экспертной деятельности. В судебной экспертологии активно разрабатываются интеграционные методы. Особое внимание уделяется интеграции различных наук, которая подразумевает не разрозненные, а комплексные исследования с использованием различных отраслей знаний. Классическим примером является концепция «предметных судебных наук», развиваемая в рамках современной судебной экспертологии. При этом отмечается, что «применение методов одних наук при исследовании объектов других способно натолкнуть на принципиально новые идеи, дать новые плодотворные результаты» [1, с. 77].

Эта теоретическая база находит прямое воплощение в судебно-экспертной практике.

Так, как считают Ф.Г. Аминев и А.В. Чемерис ««особое внимание следует уделить криминалистическому моделированию личности неустановленного преступника с использованием достижений естественных, технических и иных наук» [11, с. 107].

Кроме того, в судопроизводстве широко применяются комплексные экспертизы, наиболее ярким примером которых является судебная психолого-психиатрическая экспертиза. Для её проведения необходима интеграция знаний из области психиатрии и психологии, что прямо отражено в процессуальном законодательстве. Потребности современного общества диктуют необходимость появления новых междисциплинарных видов исследований, таких как политологическая, этиковедческая и религиоведческая экспертизы [12, с. 97-105].

Следует отметить, что развитие цифровых технологий стимулирует возникновение новых способов предотвращения преступлений, а их стремительное развитие является одной из причин возрастания роли судебной экспертизы в судопроизводстве. Формируется новая интеграционная частная теория судебной экспертологии – учение о цифровизации судебно-экспертной деятельности, которое «позволит разрешить целый ряд сложных проблем, возникших в связи с интеграцией и дифференциацией научных знаний в области IT-технологий в судебно-экспертную деятельность» [13, с. 78-79]. И создание такого учения является прямым ответом на вызовы глобальной цифровизации.

Зарубежные судебно-экспертные исследования также подчеркивают междисциплинарную природу судебной экспертологии, которая включает в себя антропологию, химию, биологию, медицину, исследование места происшествия, цифровые науки и юриспруденцию. Ведущие научные журналы, такие как «Forensic Science International», публикуют инновационные исследования в различных областях, включая судебную патологию, химию, токсикологию, биологию, психиатрию, антропологию и цифровую криминалистику [14]. Такие журналы специально ориентированы на междисциплинарные исследования, включая гуманитарные, биомедицинские и социальные науки, а также право.

Несмотря на развитие междисциплинарных исследований в судебно-экспертной деятельности в последние годы, следует отметить и проблемы, которые необходимо решить для дальнейшего успешного функционирования судебной экспертизы.

Так, существует потребность к унификации законодательства и стандартизации судебно-экспертной деятельности. Актуальным является вопрос об аккредитации судебно-экспертных учреждений по национальным стандартам, адаптированным к международным, для обеспечения признания судебных экспертиз, проводимых в России, за рубежом. Особого внимания заслуживает решение проблемы межведомственных противоречий в организации судебно-экспертной деятельности, которая требует системного разрешения.

Так, действующая номенклатура научных специальностей в различных ведомствах не способствует проведению междисциплинарных исследований в области судебной экспертологии. Возникает ситуация, когда наука, по определению являющаяся междисциплинарной, не имеет для этого формальных институциональных рамок.

Генезис междисциплинарных исследований в судебно-экспертной деятельности свидетельствует, что междисциплинарность является неотъемлемым свойством судебной экспертизы, прошедшим путь от практической необходимости до теоретического осмысления в рамках самостоятельной науки — судебной экспертологии. Современное состояние характеризуется углублением интеграционных процессов, появлением новых комплексных видов экспертиз и активной трансформацией в них цифровых технологий.

Перспективы междисциплинарных исследований видятся в детальном изучении истории конкретных комплексных экспертиз (ДНК-анализа, компьютерно-технических, финансово-экономических и др.), а также в разработке на основе исторического опыта моделей оптимального взаимодействия судебных экспертов разных специальностей в рамках одного экспертного учреждения или по конкретному уголовному делу: необходимо развитие навыков работы экспертов в междисциплинарных командах.

Дальнейшие перспективы связаны с развитием трансдисциплинарных подходов, выходящих за рамки простого суммирования знаний из разных областей науки.

Список литературы

1. Аминев Ф.Г. Современные проблемы судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации и пути их решения: монография. М. : Юрлитинформ, 2019. 272 с.
2. Бычкова С.Ф., Бычкова Е.С., Калимова А.С. Судебная экспертология. Курс лекций : учеб. пособие. Алматы, 2005. 376 с.
3. Кустов А.М., Потемкин И.А., Сальников А.С. История российской криминалистики: монография / под ред. докт. юрид. наук, проф. А.М. Кустова. М.: Юрлитинформ, 2023. 224 с.

4. Судебно-экспертная деятельность: правовое, теоретическое и организационное обеспечение: учебник для аспирантуры по специальности 12.00.12. – криминалистика, судебно-экспертная деятельность, оперативно-розыскная деятельность / под ред. Е.Р. Россинской, Е.И. Галяшиной. М.: Норма: ИНФРА-М, 2017. 400 с.
5. Сорокотягина Д.А., Сорокотягин И.Н. Теория судебной экспертизы: учебное пособие. Ростов-н/Д. : Феникс, 2009. 440 с.
6. Колдаев В.М. Из истории практической криминалистики в России: применение науч. методов работы в розыске и расследовании преступлений: факты, документы, комментарии. М. : Лекс Эст, 2005. 376 с.
7. Гросс Г. Руководство для судебных следователей как система криминалистики. М. : Лекс Эст, 2002. 1088 с.
8. Винберг А.И., Малаховская Н.Т. Судебная экспертология (Общетеоретические и методологическая проблема судебных экспертиз). Волгоград: ВСШ МВД СССР, 1979. 183 с.
9. Аверьянова, Т.В. Интеграция и дифференциация научных знаний как источники и основы новых методов судебных экспертиз. М.: Изд-во Акад. МВД России, 1994. 123 с.
10. Алиев И.А., Аверьянова Т.В. Концептуальные основы общей теории судебной экспертизы. Баку: Гянджлик, 1992. 192 с.
11. Аминев Ф.Г., Чемерис А.В. О некоторых современных возможностях криминалистического моделирования личности неустановленного преступника // Вестник Института права Башкирского государственного университета. 2024. № 1. с. 105–113.
12. Справочник по подготовке, организации, назначению и производству судебных экспертиз в судебно-экспертных учреждениях Минюста России. М.: ФБУ РФЦСЭ им. профессора А.Р. Шляхова при Минюсте России., 2025. 106 с.
13. Россинская Е.Р., Зинин А.М. Экспертиза в судопроизводстве: учебник / под ред. Е.Р. Россинской. М.: Проспект, 2022. 416 с.
14. Garafutdinov R.R., Sakhabutdinova A.R., Slominsky P.A., Aminev F.G., Chemeris A.V. A new digital approach to SNP encoding for DNA identification // Forensic Science International. 2020. V. 317. P. 110-520. DOI: 10.1016/j.forsciint.2020.110520.

© Харисов А. Ф., 2026

Чингизова Галия Фанзилевна

аспирант кафедры криминалистики

Института права Уфимского университета науки и технологий,
г. Уфа, Россия

ПРОЦЕССУАЛЬНАЯ УСТОЙЧИВОСТЬ ОБРАЩЕНИЯ СО СЛЕДАМИ БИОЛОГИЧЕСКОГО ПРОИСХОЖДЕНИЯ

Аннотация. Рассматриваются актуальные проблемы правового сопровождения работы со следами биологического происхождения на стыке криминалистики, уголовно-процессуального регулирования и судебно-экспертной деятельности. Проблематика сгруппирована вокруг аналитического этапа (обнаружение, фиксация, изъятие, упаковка и передача объектов), прослеживаемости происхождения вещественных доказательств и стандартов качества экспертных процедур. Показано, что современная чувствительность молекулярно-генетических исследований усиливает значение «низовых» организационных регламентов, поскольку даже незначительные нарушения на месте происшествия воспроизводятся в судебной стадии как сомнения в допустимости и достоверности доказательств. Обоснованы направления совершенствования отечественной практики: унификация требований к документированию и маркировке, внедрение цифровой прослеживаемости, развитие публичного контура валидации экспертных методик и минимальных требований к структуре экспертного вывода при судебной проверке.

Ключевые слова: следы биологического происхождения; вещественные доказательства; прослеживаемость; маркировка; стандартизация; судебная экспертиза; допустимость доказательств; судебная проверка; качество экспертных процедур.

Проблематика обращения со следами биологического происхождения в уголовном судопроизводстве сегодня задаётся не столько расширением перечня технических возможностей, сколько изменением «цены ошибки» на ранних стадиях работы с объектом. Современная теория следов исходит из того, что доказательственная информация возникает не в момент лабораторного исследования, а в момент надлежащего процессуального превращения материального следа в объект доказывания, где значимы происхождение, неизменность и проверяемость процедуры фиксации [1, с. 70]. Эта логика особенно отчётлива в отношении биологических следов, поскольку их высокая информативность сочетается с уязвимостью к загрязнению, неполному документированию и вторичному переносу.

В отечественной практике центральным становится преданалитический этап. Формально он воспринимается как часть тактики следственного действия,

но по сути в нём концентрируются юридические факты, определяющие будущую допустимость и доказательственную силу экспертного вывода. В научной литературе подчёркивается, что предварительные исследования материальных следов и ориентирующие приёмы на месте происшествия обладают самостоятельным правовым смыслом: они формируют обоснование выбора способа изъятия и задают границы последующего экспертного исследования, но не должны подменять установление обстоятельств, требующих специальных знаний [2, с. 140]. Для суда важно видеть, где закончилась ориентировка и началось доказательственное исследование, потому что смешение этих уровней создаёт риск процессуальной подмены основания доказательства.

Практика осмотра места происшествия показывает, что технологический инструментарий сам по себе не решает проблему достоверности, если не обеспечен единый стандарт документирования. На примере работы с биологическими объектами исследователи фиксируют зависимость качества итоговых выводов от того, насколько полно отражены в протоколе место, способ обнаружения и условия изъятия следа, а также насколько последовательно обеспечена изоляция объекта от посторонних воздействий [5, с. 136]. Даже корректный выбор действий на месте происшествия оказывается уязвимым для критики, если текст протокола оставляет пространство для альтернативных версий о происхождении материала.

Особого внимания требует контаминация на доэкспертной стадии. Исследования причин загрязнения биологических следов показывают, что современная чувствительность исследований оборачивается усилением требований к организации следственного действия, к барьерной защите участников и к управлению контактами с объектом [3, с. 7]. В уголовно-процессуальной оценке такие нарушения редко проявляются как очевидная фальсификация, но часто воспроизводятся как сомнения в происхождении объекта, а затем как аргументы о недостоверности заключения.

Переход к экспертному исследованию опирается на прослеживаемость и маркировку вещественных доказательств. Тенденция к цифровизации документооборота делает актуальными решения, которые обеспечивают техническую достоверность объекта через устойчивые идентификаторы и фиксируют каждое действие с ним. В исследованиях о маркировке вещественных доказательств подчёркивается, что использование динамических кодов и цифровых карт объекта позволяет связать процессуальный путь доказательства с проверяемой историей операций, усиливая доказательственную определённости [8, с. 170]. Для практики работы с биологическими следами это важно ещё и потому, что упаковка и условия хранения часто становятся предметом судебного спора.

В работах об информационной прослеживаемости доказывається, что «цепочка хранения» приобретает юридический смысл не как формальная формула, а как совокупность проверяемых записей о передаче, хранении и доступе к объекту, позволяющая суду реконструировать непрерывность и исключить подмену [9, с. 185]. При отсутствии таких записей сторона защиты получает возможность строить альтернативную версию происхождения образца или условий его

хранения, а суд вынужден восполнять пробелы через предположения, что ослабляет доказательственную конструкцию даже при высоком уровне лабораторной части исследования.

Судебная оценка заключения эксперта традиционно строится через проверку допустимости доказательств. Подчёркивается, что допустимость не исчерпывается формальным наличием процессуального документа о назначении экспертизы, а требует законного способа получения объекта, надлежащего закрепления и отсутствия нарушений, влияющих на достоверность результата [7, с. 55]. При работе с биологическими следами спор часто концентрируется вокруг того, сохранялся ли объект в состоянии, позволяющем считать вывод эксперта относимым к событию преступления, а не к иным возможным источникам материала.

В современных работах о биологических образцах, поступающих в экспертные подразделения, акцент делается на том, что качество и объём поступающего материала не являются сугубо техническим вопросом. Они превращаются в правовой параметр, когда суд проверяет, в какой момент и на каком основании объект был отобран, как обеспечивалась упаковка и кто имел к нему доступ [4, с. 231]. Авторы связывают эффективность установления причастности лиц к преступлению не только с наличием учётных массивов, но и с дисциплиной обращения с образцами на всём пути их движения до экспертной организации.

Усиление роли геномных учётов в расследовании преступлений закономерно сопровождается ростом требований к процессуальной дисциплине. Ф.Г. Аминев прямо фиксирует, что «повышается роль одного из видов криминалистической регистрации, геномной регистрации». На уровне обращения с биологическими следами это означает, что любые ошибки раннего этапа работы с объектом переносятся в судебную стадию как сомнения в допустимости и достоверности доказательства, поэтому организационные стандарты работы со следом должны рассматриваться как элемент обеспечения правовой определённости [15, с. 95].

Стандартизация в судебно-экспертной деятельности проявляется как проблема правовой определённости. Доказывание в уголовном процессе опирается на единые критерии допустимости, но организационные режимы лабораторий и практики их внутреннего контроля заметно различаются. Идея единого реестра экспертных методик рассматривается как инструмент повышения эффективности и сопоставимости, поскольку позволяет опереться на валидацию, фиксированные версии методики и проверяемые характеристики [10, с. 422].

Тема компетенции эксперта в условиях стандартизации особенно значима для споров о границах экспертного вывода. Современная позиция состоит в том, что качество заключения зависит не только от уровня подготовки эксперта, но и от того, в какой мере процедура исследования закреплена и контролируется через стандарты качества, а также насколько структурированно представлено заключение для судебной проверки [11, с. 146].

Сравнительный контур, просматривающийся в зарубежных подходах, подтверждает важность институционализированного контроля качества. В США допуск лабораторий к национальной системе обращения с генетическими профилями связан с соблюдением стандартов обеспечения качества, что придаёт стандарту фактически обязательный характер для криминалистического оборота. В Великобритании действует публичный кодекс практики и поведения регулятора, устанавливающий требования к управлению качеством и прослеживаемости криминалистических работ, включая обращение с материалами и документооборот. Российская модель сопоставима по уровню процессуальных гарантий, но нуждается в более жёсткой унификации требований к низовому уровню организации работы со следами.

Материал судебной практики показывает, что спор о допустимости и относимости доказательств нередко переносится в плоскость оценки того, как именно оформлялись и обсуждались вопросы, связанные с исследованием биологических объектов. В кассационном определении Верховного Суда Российской Федерации по делу, где оспаривалась допустимость заключения биологической экспертизы, подчёркивается, что вопросы допустимости доказательств относятся к исключительной компетенции судьи и не должны подменяться оценками присяжных [14]. Это ориентирует следственную и экспертную практику на формирование такой доказательственной истории объекта, которая выдерживает строгую судебную проверку и не требует восполнения пробелов через устные пояснения.

Систематизация проблем, позволяет сформулировать направления совершенствования, которые сохраняют юридический характер и не сводятся к рекомендациям по оснащению. Центральным выглядит унифицированный стандарт документирования преданалитики и прослеживаемости, при котором протоколы, фотофиксация, маркировка и учёт движения объекта образуют единую проверяемую схему. Отдельный акцент требуется на развитии публичного контура валидации экспертных методик, когда сведения о версии методики и её проверенных характеристиках становятся доступными для судебной проверки в понятной форме. При таком подходе высокая технологичность исследования перестаёт быть аргументом по умолчанию и начинает работать как юридически проверяемое основание доказательства.

Устойчивость доказательств, основанных на биологических следах, формируется преимущественно до момента лабораторного исследования. Преданалитика, прослеживаемость и стандартизация задают юридические границы доверия к объекту. На этих участках проявляются наиболее актуальные академические проблемы современной криминалистики и судебно-экспертной деятельности, поскольку здесь решается вопрос о том, будет ли результат исследования воспринят судом как надлежащее доказательство, или же как источник разумного сомнения, возникшего из-за организационных дефектов.

Список литературы

1. Карепанов Н. В. Современные направления развития теории следов в криминалистике // Российское право: образование, практика, наука. 2024. № 6. С. 70–74. DOI: 10.34076/24102709-2024-144-6-70-74.
2. Корма В. Д. Понятие и виды предварительных исследований материальных следов, их правовые и криминалистические аспекты // Актуальные проблемы российского права. 2022. Т. 17. № 6. С. 140–152. DOI: 10.17803/1994-1471.2022.139.6.140-152.
3. Надоненко О. Н., Николаенкова А. В. Причины возникновения контаминации биологических следов на до-экспертном этапе и возможные пути ее предотвращения // Современная наука. 2021. № 2. С. 7–9.
4. Чернышёв С. А., Журбенко А. М., Симоненко Е. И. Биологические образцы, предназначенные для ДНК-анализа, как источник криминалистически значимой информации // Научный вестник Орловского юридического института МВД России имени В. В. Лукьянова. 2023. № 4(97). С. 231–238.
5. Володикова И. В., Васюков В. Ф. Специфика работы с отдельными биологическими следами при расследовании отдельных видов преступлений // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2023. № 1(104). С. 135–145. DOI: 10.55001/2312-3184.2023.46.69.014.
6. Ермолаева Л. Н., Пономарева А. В. Современные методы исследования биологических следов в уголовном судопроизводстве // Аграрное и земельное право. 2025. № 9. С. 446–449. DOI: 10.47643/1815-1329_2025_9_446.
7. Вологина Е. В., Голоманчук Э. В. Требование к допустимости доказательств при рассмотрении дела судом в уголовном процессе // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2024. № 3(70). С. 55–61.
8. Дронова О. Б., Севостьянова С. О. Маркировка вещественных доказательств как элемент обеспечения их технической достоверности // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2024. № 3(103). С. 170–178. DOI: 10.35750/2071-8284-2024-3-170-178.
9. Севостьянова С. О. Обеспечение информационной прослеживаемости работы с вещественным доказательством в уголовном судопроизводстве // Юрист-Правоведъ. 2024. № 2(109). С. 185–190. DOI: 10.25693/1814-8235.2024.2.185.
10. Антилевская Ю. А. Единый реестр экспертных методик как способ повышения эффективности судебно-экспертной деятельности // Пробелы в российском законодательстве. 2023. Т. 16. № 5. С. 422–432.
11. Ткаченко П. А. Компетенция эксперта в рамках стандартизации судебно-экспертной деятельности // Криминологический журнал. 2024. № 1. С. 146–150. DOI: 10.24412/2687-0185-2024-1-146-150.
12. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ // Официальный интернет-портал правовой информации [Электронный ресурс]. URL: <http://pravo.gov.ru/> (дата обращения: 01.06.2026).

13. Федеральный закон от 31 мая 2001 г. № 73-ФЗ «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации» // Официальный интернет-портал правовой информации [Электронный ресурс]. URL: <http://pravo.gov.ru/> (дата обращения: 01.06.2026).

14. Кассационное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации от 18 февраля 2026 г. № 4-УДП25-58СП-А1 // Официальный сайт Верховного Суда РФ [Электронный ресурс]. URL: https://vsrf.ru/lk/practice/stor_pdf/2523498 (дата обращения: 01.06.2026).

15. Аминев Ф.Г. О необходимости принятия федерального закона «О всеобщей геномной регистрации в Российской Федерации» в целях улучшения качества раскрытия и расследования преступлений // Правовое государство: теория и практика. 2019. № 3 (57). С. 94–98. [Электронный ресурс]. URL: <https://pravgos.ru/index.php/journal/article/view/225> (дата обращения: 04.06.2026).

© Чингизова Г. Ф., 2026

УДК 343

Яшуева Таиса Мусаевна

ассистент кафедры криминалистики

Института права Уфимского университета науки и технологий,
г. Уфа, Россия

К ВОПРОСУ О ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ СУЩНОСТИ ОЧНОЙ СТАВКИ С УЧАСТИЕМ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНЕГО

Аннотация. В настоящей статье рассматривается вопрос психологической сущности очной ставки, производимой с участием несовершеннолетнего. Проанализированы возрастные психологические особенности несовершеннолетних, влияющие на достоверность показаний, эмоционально-волевую устойчивость и риск повторного возникновения для ребенка психотравмирующей ситуации.

Ключевые слова: криминалистика, очная ставка, психологическая сущность, несовершеннолетний, криминалистическая тактика.

Очная ставка остается одним из наиболее противоречивых следственных действий с позиции возможности его производства с участием несовершеннолетних. Вызвано это необходимостью межличностного взаимодействия указанных лиц с иными участниками уголовного процесса, что, в силу наличия между ними противоречий, способствует формированию психотравмирующей для ребенка ситуации. С уголовно-процессуальной точки зрения целью очной ставки является устранение существенных противоречий в показаниях раннее допро-

шенных лиц [1, с. 25-26]. Криминалистическая реальность производства данного следственного действия в отношении несовершеннолетнего требует учета его психологической составляющей. Незрелость когнитивных функций, высокая эмоциональная неустойчивость, негативизм, упрямство [2, с. 44] и зависимость от взрослых необходимо рассматривать не как системные факторы, детерминирующие психологическую сущность очной ставки.

Ни для кого не секрет, что в отношении несовершеннолетних участников уголовного процесса должны применяться специальные процессуальные гарантии. В частности, Уголовно-процессуальный кодекс РФ в статье 191 закрепляет обязательное участие педагога или психолога в случае производства очной ставки с лицами, не достигшими шестнадцати лет или страдающими психическим расстройством или отстающими в психическом развитии, возможность участия законного представителя, обязательное применение видеозаписи или киносъемки.

Несмотря на существование особого процессуального порядка, следственная практика демонстрирует разрыв между формальным соблюдением норм и их психологическим содержанием. Участие педагога и психолога часто носит «символический» характер, а тактика очной ставки остается не дифференцированной по возрастным группам и по процессуальному статусу. Это свидетельствует о недостаточной интеграции психологического знания в криминалистическую тактику.

Психологическая сущность очной ставки с участием несовершеннолетнего определяется возрастными закономерностями психического развития, которые в условиях стрессовой для ребенка ситуации приобретают специфические криминалистические проявления.

Результаты ранее проведенных исследований свидетельствуют о том, что память несовершеннолетнего характеризуется фрагментарностью и неустойчивостью [3, с. 17]. Также существует и повышенная вероятность ошибок в анализе источника информации. Дети чаще путают реально запечатленные ими события с увиденными в средствах массовой информации, рассказами взрослых или собственными фантазиями. В условиях очной ставки, когда требуется без промедления сравнивать собственные показания другого лица, когнитивная нагрузка существенно возрастает, что ведет к искажениям и вынужденному согласию с оппонентом.

Несовершеннолетние демонстрируют повышенную внушаемость, доверчивость и растерянность в конфликтных ситуациях [4, с. 56-57]. В условиях очной ставки перцептивные процессы несовершеннолетнего работают специфически. Ребенок или подросток часто неадекватно считывает не только вербальную информацию, но и микроэкспрессию, паузы или интонацию следователя. К примеру, банальное молчание или уточняющий вопрос он способен воспринять как неявное неодобрение, а именно сигнал «ты говоришь не то». Это запускает механизм конформизма и внушаемости, то есть несовершеннолетний начинает неосознанно редактировать свои ответы, подстраивая их под то, что, по его мнению, ожидает услышать взрослый.

Ситуация усугубляется возрастными психофизиологическими особенностями. Эмоциональная лабильность, зависимость от чужого мнения и инфантильные реакции на стресс делают подростка крайне уязвимым в кабинете следователя. Прямой зрительный контакт с оппонентом (особенно если это авторитетная фигура или тот, кого ребенок боится) часто провоцирует стыд или панический страх. Чтобы быстрее выйти из психотравмирующей ситуации, несовершеннолетний может выбрать одну из двух крайностей: либо полностью отрицать свои прежние показания, либо согласиться с любой, даже абсурдной версией оппонента, лишь бы следственное действие скорее завершилось.

Стоит обратить внимание, что факторы, перечисленные ранее, формируют коммуникативную асимметрию в ходе очной ставки с участием несовершеннолетнего. Она перестает быть просто проверкой показаний, превращаясь в психологически неравный диалог.

Особо чувствительной категорией остаются потерпевшие, для них очная ставка нередко оборачивается вторичной травматизацией. Следственное действие с лицом, причинившим вред (или даже просто с другим участником конфликта), воспроизводит ситуацию беспомощности, пережитую в момент преступления, поэтому и становится триггером стресса.

Что касается противоречий в показаниях несовершеннолетнего и взрослого, то они не всегда говорят о лжи одного из участников. Расхождения могут объясняться возрастными особенностями памяти, эмоциональной составляющей воспоминания или тем, что несовершеннолетний уже иначе осмыслил произошедшее после первого допроса, иными словами, реинтерпретировал свой опыт. Попытка же ликвидировать эти расхождения, как правило, дает обратный эффект. В реальности несовершеннолетний начинает чувствовать давление и корректирует правдивые показания, согласуя их с версией взрослого оппонента.

Проблема в том, что процессуальная конструкция очной ставки исходит из формального равенства участников, а на практике этот принцип с несовершеннолетними почти не работает. Взрослый участник следственного действия почти всегда выигрывает за счет речевой культуры, умения держать паузу, саморегуляции. Недобросовестный участник это чувствует и использует: ловит на противоречиях, буквально «разворачивает» его показания против него самого, и следовательно не всегда успевает это пресечь.

Таким образом, очная ставка – это не просто способ сопоставления показаний, а напряженный коммуникативный процесс, в котором каждый участник одновременно и источник информации, и инструмент психологического давления. Если на одной стороне такого процесса – взрослый, а на другой – ребенок с его еще не сформированной когнитивной и эмоциональной системой, следовательно обязан эту асимметрию компенсировать, а не игнорировать.

Список литературы

1. Зайнуллин Р.И. Очная ставка с участием несовершеннолетнего обвиняемого: моногр. / под науч. ред. д-ра юрид. наук, проф. Макаренко И.А. – М.: БИБЛИО-ГЛОБУС, 2016. – 211 с.
2. Варфоломеев Р.А. Тактика проверки показаний на месте с участием несовершеннолетнего / Р.А. Варфоломеев. Уфа: Право будущего, 2025. – 207.
3. Зефилов Т.Л., Зиятдинова Н.И., Купцова А.М. Физиологические основы памяти. Развитие памяти у детей и подростков: учебно-метод. пособие. Казань: КФУ, 2015. – 40 с.
4. Реуцкая И.Е., Бродченко О.И. Психологические особенности допроса несовершеннолетних // Прикладная юридическая психология. – 2008. – № 3. – С. 55-67.

© Яшуева Т. М., 2026

При подготовке электронного издания использовались следующие программные средства:

- Adobe Acrobat – текстовый редактор;
- Microsoft Word – текстовый редактор.

Все права защищены. Книга или любая ее часть не может быть скопирована, воспроизведена в электронной или механической форме, в виде фотокопии, записи в память ЭВМ, репродукции или каким-либо иным способом, а также использована в любой информационной системе без получения разрешения от издателя. Копирование, воспроизведение и иное использование книги или ее части без согласия издателя является незаконным и влечет уголовную, административную и гражданскую ответственность.

Научное издание

**АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ
УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА
В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ: ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА**

**Материалы
XIV Международной научно-практической конференции
(г. Уфа, 1 апреля 2026 г.)**

Научное электронное издание сетевого доступа

*За достоверность информации, изложенной в статьях,
ответственность несут авторы.*

Статьи публикуются в авторской редакции

Подписано к использованию 27.07.2026 г.
Гарнитура «Times New Roman». Объем 2,91 Мб.
Заказ 206.

*ФГБОУ ВО «Уфимский университет науки и технологий»
450008, Башкортостан, г. Уфа, ул. Карла Маркса, 12.*

Тел.: +7-908-35-05-007
e-mail: red@uust.ru